

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Матс Ульссон

КОГДА СОРВАНЫ
МАСКИ

Роман читается в захлеб. Работа в журналистике принесла свои результаты: Ульссон умеет писать. Книга дает возможность развлечься – этого достаточно.

ARBETARBLADET

Продолжение серии детективных романов
о журналисте Харри Сенссоне.
Впервые на русском языке!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Однажды летней ночью Харри проснулся от страшного грохота: десятилетняя девочка Эмма колотила в дверь его дома. Проникнув в дом, она тут же спряталась под кроватью. А Харри услышал за дверью мужские голоса.

Так закрутился водоворот событий, в который оказались вовлечены самые разные персонажи: наркоторговцы, байкеры, русский олигарх, семья шведских миллионеров, полицейские и один любознательный редактор.

«Когда сорваны маски» – вторая книга из серии детективных романов о Харри Свенссоне.

Впервые на русском языке!

Матс Ульссон

Когда сорваны маски

* * *

*Вижу восход несчастливой луны.
Вижу, грядут несчастья.*

Джон Фогерти.

Восход несчастливой луны

(Creedence Clearwater Revival)

...Она бежала, преодолевая боль в легких. Оцарапала руку, пытаясь ухватиться за забор, слизала кровь и, спотыкаясь, продолжила путь по тропинке к лесу. За спиной раздавались крики: «Хватай ее! Черт возьми, мы должны до нее добраться!» Доносились мужские голоса, ругань, но никто не видел, как она перепрыгнула через забор. Теперь они могли догнать ее только на автомобиле, но он не проедет ни по этой тропинке, ни в лесу, куда она направлялась.

А это означало, что она выиграет время... Лес она знала хорошо. По щекам хлестали ветки, но она этого не замечала. Бросилась на землю и отползла в заросли. Потом поднялась на ноги и прислушалась: ни голосов, ни шагов, ни шума мотора. Ничего, кроме собственного дыхания, отчаянно колотящегося сердца и обычных лесных звуков, к которым она привыкла. Она не боялась ни темноты, ни пугающе громкого в ночи треска веток, ни уханья совы, ни хлопанья птичьих крыльев. Похоже, лес боялся ее больше, чем она его. Убедившись, что ее никто не преследует, она вздохнула и побежала, все быстрее и быстрее. Не то чтобы она надеялась встретить там того, кто бы мог ее защитить. Просто знала: люди, которые хотят ее поймать, очень опасны.

Воскресенье, вечер

Сны коварны.

Когда снится что-то хорошее, например жаркие объятия или куча денег, которую ты должен получить, обязательно проснешься, не успев достигнуть цели, или забредешь в какой-нибудь тупик, если это не одно и то же, – в этом можно не сомневаться.

Но когда снятся знакомые мертвецы, которые пляшут вокруг тебя с дьявольскими ухмылками, или во сне тебя загоняют в темную пещеру, откуда ни туда ни сюда, а в груди между тем что-то так давит, что ни охнуть, ни вздохнуть, можешь вырваться и кричать сколько угодно – не проснешься.

Сам не знаю, к какой из перечисленных категорий относился сон, который я видел той ночью. Безусловно, он был кошмарным, но не сказать, что поверг меня в ужас. Я вообще не понимаю, почему он приснился мне именно в ту ночь.

День прошел спокойно. В нашем ресторане в Сольвикене праздновали чье-то пятидесятилетие. Торжество явно не из тех, которые обычно заканчиваются стрельбой или мордобоем. Гости ели, веселились, провозглашали тосты, а потом разъехались по домам. Виновник отбыл «кадиллаке» цвета топленого молока, за рулем которого сидел некто во фраке и цилиндре. Шофер выглядел слишком старым, чтобы управлять автомобилем, и, похоже, опрокинул в себя не одну рюмку, пока дожидался юбиляра на кухне.

На выходные метеорологи обещали снег и гололед в северных районах Швеции, но у нас на юге светило солнце, а когда я управился с посудой и ушел в дом, на небо высыпали звезды и мир погрузился в ясную летнюю ночь.

Кристер Юнсон, который организовывал гастроли заезжим музыкантам, появился у нас на днях с ирландской блюзовой группой под названием «Blueshog»^[1] – тремя бородастыми гномами, исполнявшими исключительно музыку Джона Мейолла^[2], чего бы им это ни стоило. О заведениях, где они собирались давать концерты, – в их числе была какая-то пиццерия в Клиппане – я никогда не слышал.

В прошлом году Кристер Юнсон помог мне управиться с человеком, которого журналисты окрестили «эксекутором», и за это я обеспечил его микроавтобусу место на стоянке в порту Сольвикена. Там он и ночевал со своими музыкантами. Ирландцы вообще предпочитают автобусные сиденья обычным кроватям, как уверял меня Кристер. Я не знал, что и думать об этом. Кристер был начисто лишен чувства юмора, но иногда мне казалось, что он шутит. После отъезда ирландцев Кристер подарил мне альбом «Hog the Blues» группы «Blueshog» на CD. Кроме того, я обнаружил в холодильнике пластиковый пакет с пятью марихуановыми самокрутками.

Итак, рабочий день закончился, и я сидел на своей веранде с бокалом кальвадоса и самокруткой Кристера. Закурив, я глубоко затянулся и как мог долго удерживал в себе дым, прежде чем медленно выдохнуть его, опуститься в кресло и отпустить мысли на все четыре стороны.

Откуда-то издалека доносились смех и крики. Удивительно, что кому-то вздумалось устроить вечеринку в воскресенье. На расстоянии звуки праздника казались порой совсем не радостными, даже зловещими. Прислушавшись, я различил в этой какофонии ритмичную танцевальную музыку. Я не знал поблизости ни одной танцплощадки и вообще до сих пор не

подозревал об обычае жителей Северо-Западного Сконе устраивать танцульки по ночам. Хотя рано или поздно обо всем узнаешь впервые. Например, о том, что ирландцам нравится спать в автобусах. Если Кристер Юнсон не шутит, по крайней мере.

Никогда не понимал, почему шведы так не любят марихуану.

Наши гости не одну неделю готовились к празднованию юбилея и заранее смирились со всеми неприятностями, которыми чревато чрезмерное употребление алкоголя. По этому поводу не было ни жалоб, ни дебатов. При этом никто из них, конечно, не сомневался, что уже первая затяжка приведет к героиновой зависимости и, как следствие, к внезапной смерти в каком-нибудь туалете Хельсингёра со шприцем в руке. Так оно и получается, что правительство запрещает одни наркотики и санкционирует употребление других.

В ту ночь я уснул довольно быстро, при этом у меня возникло чувство, будто тот сон начался сразу после того, как я закрыл глаза. Я еще до пробуждения осознал, насколько он кошмарный, и очень этому удивился. Обычно после кальявдоса и нескольких затяжек марихуаны я вижу совсем другие сны.

Впрочем, «кошмарный» не совсем точное слово. Сон был в высшей степени странный и необъяснимый, насколько сны вообще поддаются толкованию. Итак, мне привиделось, что я пустился в плавание. Уже не помню с кем и когда, во всяком случае, мне запомнилась продолговатая моторная лодка, на которой я стоял и которая под конец превратилась в треугольной формы плот. При этом он плыл задом наперед, то есть спереди была одна из сторон треугольника, а противоположная ей вершина сзади. Таким образом плот и вышел в открытое море. В высшей степени странно, я бы сказал, если вообще возможно.

Так или иначе, плот набирал скорость, и я уже поднял парус – не помню, как мне это удалось, – когда на прибрежной скале вдруг показался человек. Я не то чтобы узнал его, просто почему-то сразу понял, что это один из моих друзей.

– Какого черта, Свенссон! – закричал он. – У тебя что-то с мотором, разве не слышишь, как он трещит?

С мотором? До сих пор я был уверен, что на плотках их не бывает, не я ли сам только что собственноручно поднял парус? Но тут я обернулся и увидел, что и мачта, и парус на самом деле куда-то пропали, а на палубе вибрирует нечто напоминающее мотор, если несколько сбитых досок можно вообще считать палубой. И это нечто дергалось, шипело и тарыхтело – не исключено, что при этом и трещало.

– Закрепи мотор, – повторил мой приятель.

На мне были шорты, которых я наяву никогда не видел. Мотор же оказался тяжелый, я даже зауважал себя, когда смог оторвать его от палубы. Так вот я и стоял с этим раскаленным мотором, который тарыхтел и, возможно, трещал, пока не бросил его в море, так что вода зашипела. И в этот момент море исчезло, мой мотор с грохотом ударился о землю и развалился на части. А потом у меня возникло чувство, будто подо мной образовалась какая-то кашеобразная масса, которая грозит меня засосать.

И эта масса пахла ванилью.

Мозги мои представляли нечто на нее похожее, и я никак не мог сообразить, почему разбился мотор.

Мотор... но как же... я же выбросил его за борт.

И в этот момент я проснулся и услышал стук в наружную дверь.

Дверь... Это она трещала и гремела.

Не успев продрать глаза, я поднялся с постели и поковылял к окну – посмотреть, кому

это я понадобился. На пороге стояла та самая девчушка, что прошлым летом время от времени выходила откуда-то из лесу к моему дому полюбопытствовать, чем я там занимаюсь. Ей было лет девять-десять, и она всегда молчала, а когда кто-нибудь из нас пытался с ней заговорить, тут же исчезала в лесу. Только моему коллеге Арне Йонссону да Бодиль Нильссон – женщине, с которой я тогда встречался, – удавалось задержать ее на минутку. Однажды она даже выпила предложенную Арне чашку кофе.

Но нынешним летом я еще не видел этой девочки.

Стоило мне по-нормальному открыть глаза и прищуриться, – вероятно, впору было обзавестись очками, – как я непременно увидел бы на ее щеках слезы. Девочка ожесточенно колотила в дверь кулаком, а под конец пустила в ход и голову.

Я завернулся в простыню, вышел из спальни и отпер входную дверь.

Гостя, не замечая меня, тут же влетела в дом. Обежала два раза кухонный стол, выскочила из кухни и помчалась в спальню, где тут же плашмя упала на пол, заползла под кровать да так и осталась лежать там, как сраженный битой игрок в бейсбол.

Я снова запер входную дверь.

В ушах все еще отдавался стук: на самом деле теперь она изо всей силы колотила о пол локтями и коленями.

Похоже, она была чем-то страшно напугана. Я озирался, прикидывая, что бы на себя накинуть, когда снаружи послышались мужские голоса. Пришедших было двое. Я не опускал жалюзи на кухне, поэтому вжался в стенку, чтобы они меня не увидели. По крайней мере, одно окно я всегда открывал на ночь, поэтому сейчас слышал их разговор, хотя и неразборчиво.

Мужчины приблизились.

Они говорили тихо, почти перешептывались.

– Она должна быть где-то здесь, – сказал один.

– Она может быть где угодно, – отозвался второй.

Они стояли в какой-нибудь паре метров от дома.

Внезапно полумрак прорезал луч карманного фонарика. По стене забегало световое пятно.

– Какого черта ты делаешь?! – послышался возмущенный голос, и луч сразу пропал. – Не слишком умно посреди ночи светить фонариком в чужую комнату.

– Мне показалось, там кто-то шевелится.

– Свети в землю, а не в окно. Нам нельзя привлекать к себе внимание.

Я скосил глаза в сторону спальни. Девочка под кроватью заткнула пальцами уши.

– С тем же успехом она могла спрятаться в какой-нибудь лодке в гавани, – предположил первый.

– Думаешь, у нее есть там знакомые? – засомневался второй. – Иначе с какой стати кому-то брать ее на борт.

– Черт ее знает! – выругался первый. – Лежит себе где-нибудь под брезентом, вот будет кому-то сюрприз!

Ни один ни другой не обнаруживали и намек на сконский диалект. Классический стокгольмский выговор, так мне, во всяком случае, показалось. Хотя потом в речи первого я как будто уловил легкий иностранный акцент.

– Она поди давно уже далеко отсюда, – сказал он.

– Не так далеко, она же не стайер.

– Спринтер, ты хотел сказать?

– Ну или так.

– Заглянем-ка мы в гавань.

Голоса стали стихать, так что дальнейших слов я не разобрал. Я осторожно сел на корточки и прильнул к окну. Мужчины по ступенькам спускались к морю, уставив свои карманные фонарики в землю. Тот, что шел впереди, был одет в голубые джинсы и тонкую черную кожаную куртку. На другом я различил что-то вроде спортивного костюма из блестящей ткани. Мужчина в джинсах был очень крупный и широкоплечий, на голову выше своего напарника, который явно страдал избыточным весом.

Опустившись на пол, я прислонился к стене.

Какого черта все это значит?

Девочка перестала трястись, но пальцев из ушей не вынула.

Собственно, что мешало мне просто открыть дверь и сказать: «Девочка здесь!»

Неужели то, что весь мой костюм составляла простыня? Или же я не успел проснуться и плохо понимал, что делаю? Что заставило меня взять сторону девочки против двух взрослых мужчин? Страх?

Когда я выглянул в окно в следующий раз, они уже скрылись за рестораном и спустились к самым мосткам. Похоже, мужчины спорили. Тот, что был в спортивном костюме, показывал в сторону шоссе, другой пожимал плечами. Потом первый повернулся к маяку на пирсе. Его огни отражались в воде, так что обоим не было необходимости включать карманные фонарики. Мужчина в джинсах показал большим пальцем через плечо в сторону моего дома. Его напарник зашагал к пирсу, в то время как сам он, проводив его взглядом, развернулся и начал подъем по лестнице. Времени убежать в спальню у меня не оставалось, поэтому я снова лег под окном на пол и прижался к стене.

На этот раз мужчина попытался приблизиться к дому незаметно, но я слышал и как он топал по деревянным ступеням лестницы, и как захрустел гравий под его ногами. Надо думать, этот звук напугал его самого, потому что он тут же сошел с дорожки в траву. Затем он поднялся на веранду и остановился. Продвинулся в сторону, как мне показалось, ближе к тому самому окну, под которым я лежал. Я затаил дыхание и еще сильнее вжался в стену. От мужчины пахло дешевым лосьоном для бритья. Заглянув в окно, он мог бы оглядеть кухню, но не увидел бы ни девочки, которая пряталась в спальне, ни меня. В противном случае ему открылось бы интересное зрелище. Что можно подумать о пятидесятилетнем мужчине, который лежит под окном на кухне, завернутый в простыню?

Звук шагов приблизился к двери. Замер. Потом незнакомец нажал на дверную ручку и осторожно дернул. На мгновение я засомневался, не забыл ли запереть дверь. Но она не поддавалась, а значит, все было в порядке. Ручка снова поднялась.

Мужчина вернулся, прошел мимо окна до угла дома. Похоже, хотел обойти вокруг него, но ничего не вышло. Лес слишком близко подходил к дому. Именно это обстоятельство помешало кое-кому устроить здесь пожар прошлым летом.

Незнакомец передвигался осторожно, но я слышал, как он почесывался, остановившись под окном. Ночь выдалась такой тихой, что я вздрагивал при малейшем шорохе или крике ночной птицы. Не знаю, что за птицы оглашают такими криками сконскую летнюю ночь, но мужчина, похоже, совсем меня не слышал.

Через некоторое время он спустился с веранды, и под его шагами снова захрустел гравий. Я сел и выглянул в окно. Оставив всякую осторожность, мужчина решительно

зашагал в сторону гавани и вскоре исчез из поля моего зрения. Я так и не узнал, встретился ли он со своим напарником. Но спустя некоторое время послышался звук отъезжающего автомобиля. Машины я не видел, однако, прислушавшись, понял, что она удаляется по шоссе в западном направлении, в сторону Кюллаберга.

Я повернулся и пошел в спальню. Там сбросил простыню, подобрал с пола джинсы и надел их, усевшись на стул. После этого направился в ванную и плеснул себе в лицо холодной водой. Взяв чистое полотенце, вернулся в спальню, лег на пол и заглянул под кровать.

Девочка отодвинулась еще сантиметров на десять от края и теперь почти прижималась к стене. Я осторожно прокашлялся:

– Не бойся, это всего лишь я. Не хочешь утереться?

И просунул ей под кровать полотенце.

Она не шевелилась, только глядела на меня большими темными глазами.

– Кто они? – спросил я, но она не ответила. – Так или иначе, они уехали, – успокоил я ее. – Я сам слышал.

На девочке была голубая юбка. Из-под светлой куртки выглядывала белая майка. Голые ноги обуты в коричневые резиновые сапоги.

Я растерялся.

– Можешь выйти, если хочешь, – предложил я. – Здесь в спальне нас никто не увидит. Не хочу опускать жалюзи на кухне, потому что они не были опущены, когда приходили те двое, но в спальне мы с тобой в безопасности. А завтра рано утром я опущу жалюзи и на кухне, и мы сможем спокойно туда выходить.

Девочка не отвечала. Потом осторожно взяла полотенце и утерла лицо.

– Ты, конечно, можешь оставаться под кроватью, но, по-моему, это не очень удобно, – заметил я. – Кроме того, если я лягу в постель, пожалуй, прижму тебя к полу и раздавлю в лепешку.

Она молчала, но я чувствовал сквозь темноту ее улыбку. Хотя не исключая, что это мне привиделось.

Некоторое время мы просто лежали и смотрели друг на друга. Быть может, моя фантазия окончательно разыгралась, но теперь я читал в ее глазах один-единственный вопрос: стоит ли мне доверять или лучше убраться подобру-поздорову, лишь только представится подходящий момент? Потом она отвернула голову и как будто задремала.

Я никогда не боялся темноты, но теперь, с натянутыми до предела нервами, напряженно вслушивался в ночь: не заскрипит ли гравий под шагами незваного гостя? Не хрустнет ли ветка? Не щелкнет ли дверной замок?

Иногда, чтобы погрузиться в мир фантазий, нет необходимости курить травку.

Понедельник, утро

Не помню, как мы уснули, но проснулся я весь разбитый. Очевидно, я стащил с кровати подушку и подложил себе под голову. Из одежды на мне были только джинсы. Босые ноги окоченели.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы припомнить вчерашние события. Заглянув под кровать, я заметил, что девочка придвинулась ближе к краю. Теперь она лежала на боку, подложив под голову полотенце, которое я ей дал.

Девочка казалась погруженной в глубокий сон.

Она всегда была беспокойна и пуглива, ни с кем не разговаривала и шарахалась, когда к ней кто-нибудь прикасался, – вот все, что я знал о ней. Сейчас она спала под моей кроватью, положив обе ладони на мою правую руку.

У нее были ссадины на указательном пальце правой руки и на двух костяшках, как будто она колотила в стену. А может, поранилась о дерево, когда бежала через лес? Я, конечно, не мог утверждать наверняка, что она пробиралась ко мне именно таким путем, но предположить такое было вполне логично.

Прошлым летом мне как-то стало любопытно, откуда девочка приходит, и я попытался углубиться в чашу позади дома. Мне это не удалось – настолько она оказалась непроходимой. Тем не менее я видел, как эта девочка исчезала между деревьями. Каждый раз она приходила из лесу и возвращалась в лес.

На этот раз я и не заметил, как она забрала мою ладонь в свои ручонки.

От долгого лежания на полу у меня ныла спина. Я понятия не имел, который час, но решил оставаться на месте до пробуждения девочки. Во-первых, поскольку видел, что ей необходимо выспаться. Во-вторых, поскольку не представлял себе, что делать дальше.

Снаружи, похоже, шел дождь.

Небо накануне вечером было чистым, но сейчас я отчетливо слышал, как тяжелые капли монотонно барабанили по крыше и в окна.

От кого бы она ни бежала, уже одно то, что она решила укрыться у меня, означало, что она мне доверяет. Меня никак нельзя было считать надежным человеком, но ведь она этого не знала. Я не имел опыта общения с детьми, своих у меня не было. Тем не менее одна знакомая женщина утверждала, что их тянет ко мне, как магнитом. Вполне возможно, она была права. Просто до сих пор я этого не замечал или, скорее, не придавал этому факту никакого значения. И теперь малышка не то чтобы вцепилась в мою руку, но держалась за нее, сознательно или неосознанно, в этом не оставалось никаких сомнений.

Я понятия не имел, что она такого натворила, если за ней погнались двое взрослых мужчин. И главное, совершенно не представлял, что мне теперь со всем этим делать. Взять ее с собой в ресторан было совершенно невозможно: я не смог бы там объяснить, кто она и как у меня оказалась. Но в основном я боялся, что те двое, которые ее разыскивали, вернуться.

Наше заведение называлось скромно: «Ресторан в Сольвикене», потому что других ресторанов в Сольвикене не было. Его владелец Симон Пендер был моим лучшим другом, еще со времен журналистской молодости. Тогда, по заданию газеты, я готовил скандальный материал о гольф-клубе, где он работал. Так мы и познакомились, а с той моей статьей ничего не вышло.

Потом я завязал с журналистикой и оказался на распутье. Я получил от газеты солидное выходное пособие, однако не представлял себе, что с ним делать дальше. Собственно, со мной так было всегда. Меня одну профессию за другой, я не пытался толком освоить ни одну и никогда не задавался целью сделать карьеру. Я начинал новое дело, словно вламывался в чужой дом. Вот и прошлым летом, когда Симон пригласил меня поработать в его ресторане в Сольвикене, я с готовностью согласился.

Я снова заглянул под кровать. Она спала.

Тут мне пришло в голову задействовать компьютер: может, хоть с его помощью получится понять, что заставило двоих мужчин преследовать девочку, причем с таким упорством, что один даже пытался ворваться в мой дом. Если, конечно, все это мне не почудилось.

Лицо девочки оставалось спокойным. И вся она была такой домашней, уютной. Вполне возможно, что дети тянулись ко мне, однако я никогда не мечтал иметь ребенка. Меня привлекало совсем другое: дороги, путешествия, полеты, музыкальные группы, новые возможности, нескромные взгляды.

Я всегда был падок на такие вещи, даже слишком.

Таким людям не до детей.

Так мне кажется, во всяком случае.

Хотя что я, собственно, знаю?

И хотя девочка воспользовалась моим полотенцем, на ее лице оставались грязные разводы.

Она свистела во сне. Вздыхала. Сглатывала.

У меня на глаза навернулись слезы. Я редко плачу. И не потому, что это не мужественно – никогда не придавал значения такого рода болтовне, – просто до сих пор жизнь не предоставляла для этого серьезных поводов. Одна знакомая называла меня бесчувственным. Другая – реалистом. Третьей вообще нечего было сказать по этому поводу.

Последний раз я плакал прошлым летом, когда однажды ночью долго не мог заснуть в ожидании звонка от женщины по имени Бодиль. Я плакал, потому что она не звонила, потому что я был влюблен и одинок и мне страшно ее не хватало.

Но сейчас я сдерживал рыдания, потому что боялся разбудить девочку. Так мне казалось, по крайней мере.

Я не уверен, что ее разбудили мои всхлипывания, но она вдруг пискнула, отпустила мою руку и отодвинулась от меня к стенке.

Потом оглядела комнату, стараясь не встречаться со мной глазами.

– Эй, ты... – окликнул я ее таким задорным тоном, что не узнал собственного голоса. – Все трясешься? Трус не играет в хоккей.

Сам не знаю, с чего мне вдруг пришло в голову это выражение. Хоккеем я перестал интересоваться после распада Советского Союза. Кроме того, голос, которым я произнес эту фразу, напомнил мне самому медведя Баллу из «Книги джунглей».

– Тебе нечего бояться, – пояснил я. – Здесь никого нет, кроме меня.

Теперь я говорил как обычно, тем не менее она не ответила.

Я попытался подняться, и суставы мои затрещали. Вероятно, все же не стоило так легкомысленно выбрасывать рекламную брошюру Шведской ассоциации по борьбе с ревматизмом.

– Ну вот, – сказал я. – Сейчас я выйду на кухню и опущу жалюзи. А потом приготовлю

кофе. Ты ведь пила кофе прошлым летом, насколько я помню? Это Арне догадался тогда угостить тебя. Помнишь Арне Йонссона, моего приятеля из Андерслёва?

Вспомнила она Арне или нет, мне оставалось только догадываться. Девочка молчала.

Я едва различал ее лицо под кроватью.

Опуская жалюзи, я окончательно убедился, что на улице дождь, однако без ветра. Тяжелые капли падали строго вертикально. Ни в гавани, ни возле дома, ни у ресторана не было ни души. На часах только четверть шестого, но как раз в это время одна дама из местных имела обыкновение выгуливать собаку.

Я поставил кофе, включил компьютер, надел носки, рубашку, потом отфильтровал кофе по чашкам и объявил, что все готово.

Я просматривал сайты газет, но там о пропавшей девочке ничего не было. Хотя, наверное, и не могло быть. Если она пропала в ночь на понедельник, объявления в СМИ появятся не раньше чем через сутки.

Когда я оторвал глаза от монитора, она стояла в дверях. Я встал, она отступила в спальню.

– Я всего лишь хотел налить тебе кофе, – сказал я.

Она снова сделала шаг вперед.

– Если пройдешь на кухню, найдешь туалет, – как бы между прочим заметил я.

Она не ответила, только посмотрела в сторону, куда я показывал.

– В шкафчике под раковиной есть новые зубные щетки, там же в стаканчике тюбик с пастой.

Сделать несколько шагов в сторону туалета от дверного проема, разделяющего спальню и кухню, оказалось для нее так же сложно, как прыгнуть в воду с двенадцатиметровой вышки. Несколько минут девочка стояла, глядя попеременно то на пол, то на меня, то на дверь туалета, а потом глубоко вдохнула и решительно пересекла кухню. Я поставил кофе на стол, но и на обратном пути из туалета она не прикоснулась к чашке и снова остановилась в дверном проеме между кухней и спальней.

– Ты не хочешь кофе? – удивился я.

Она сделала два шага вперед, схватила чашку и вернулась на место.

– Иди и садись сюда, – ласково велел я. – Тебе нечего бояться.

Девочка послушалась. Осторожно села за стол и опустила глаза.

Она обхватила чашку обеими ладонями, словно хотела согреться.

– Ты ведь держала меня за руку ночью, так?

Она быстро подняла глаза, и я прочитал в них, что она ничего такого не помнит.

Я положил на стол правую руку:

– Она порядком поистрепалась, видишь? Указательный палец совсем скрюченный. И вообще, знаешь, кто перед тобой? Капитан Крюк собственной персоной!

Я пошевелил указательным пальцем. На ее лице мелькнуло подобие улыбки.

– Значит, так, – объявил я. – Я понятия не имею, кто ты и почему те двое господ разыскивали тебя в сконской ночи. И меня это совершенно не интересует, ясно? Кроме того, я не собираюсь никому выбалтывать, что ты здесь. Ты умеешь говорить, я знаю, я слышал это собственными ушами, но принуждать тебя к этому я не собираюсь. Если кто про тебя спросит – я слеп, нем и глух. И все-таки нам с тобой надо как-то выкручиваться, согласна? Давай оставим пока все как есть и посмотрим, что будет дальше. Договорились?

Прошла целая вечность, прежде чем она кивнула.

– И не забывай: что бы ни случилось, я всегда на твоей стороне.

Я протянул ей руку.

Она не дернулась, не убежала. Одно это можно было считать большим достижением.

– Давай пальчик, – велел я.

Она не двинулась с места.

Тогда я осторожно подцепил ее мизинец своим и легонько потряхнул им в воздухе:

– Ты и я. Теперь мы вместе.

Сам не понимаю, как мне пришло это в голову. Возможно, потому, что я просто не контролировал свои мысли и не представлял себе, что должен делать после этого ритуала.

– Нам нельзя здесь оставаться, – продолжал я. – Я видел тех двоих мужчин ночью, они не похожи на двух разбойников из города Кардамона.

Зачем я говорил ей все это?

– Ты ведь видела спектакль «Люди и разбойники города Кардамона»?^[3] Я-то был в театре всего один раз, еще со школой.

Похоже, она меня не понимала.

Или теперь не принято водить школьников в театр?

Я решил сменить тему:

– У меня есть знакомая женщина в полиции. Правда, она живет в Мальмё. Может, нам стоит ей позвонить, как думаешь?

Девочка покачала головой. На этот раз более уверенно.

– Ты не хочешь связываться с полицией?

Она пожала плечами.

– Схожу-ка я за газетами, – вспомнил я. – Посидишь без меня минутку?

Она кивнула.

Дождь оказался сильнее, чем я думал. Я добежал до почтового ящика и в три прыжка вернулся обратно. В гавани мокли одинокие яхты, только в стороне шоссе мне померещилась женщина в плаще, с собакой на поводке. Я вошел на кухню. Девочка сидела в той же позе, обхватив ладонями чашку.

– Я только просмотрю прессу, – сказал я. – Вдруг там есть что-нибудь интересное.

Прошлым летом я подписался на все газеты, так обычно делают журналисты. Во всяком случае, тогда у меня была такая привычка. Но в этом году я ограничился местной периодикой, остальное читал в Сети.

Но и в бумажной версии я не нашел объявлений о пропаже девочки.

Зато, просматривая заголовки, я узнал, как трудно бывает приезжим в Сольвикене найти туристическое бюро. В газете было много фотографий с местного городского фестиваля, с огромными динозаврами, будто сделанными из бумаги. Вместо обычных для такого случая полуголых толп, танцующих самбу, я увидел только одну женщину с плюмажем на голове. В общем же народу на улицах было на удивление немного.

В другой заметке говорилось о двух соседях, поссорившихся из-за печной трубы. Один из них подал иск в Европейский суд. У какого-то фермера украли дизельное топливо, полиция подозревает организованную преступную группировку. В миле отсюда у наших конкурентов похитили пятьдесят килограммов свинины и двадцать – говядины. Бывших супругов пенсионного возраста избил бейсбольной битой и клюшкой для гольфа, в таунхаусе в Хёганесе. Женщина в парандже подверглась нападению банды подростков, которые кричали ей: «Убирайся в свою Аравию!» Неизвестная мне джазовая певица

собиралась устроить концерт в церкви. Пьяный мужчина въехал на автомобиле в экскаваторный ковш и был арестован. В школе разбили шесть окон, а на дверях нарисовали свастику. По крайней мере три заметки рассказывали о женщинах, подвергшихся насилию со стороны собственных супругов.

Ничего, что могло бы иметь отношение к моей ночной гостье, я не обнаружил, как ни искал. Рубрика «Семейная хроника» представила фотографии новорожденных и тех, кто одной ногой стоял в могиле. Все связанное с Сольвикеном и прилегающими районами я просматривал особенно внимательно.

Зато я нашел статью о пропавшей лошади и множество мелких заметок о проделках местных алкоголиков. На одном из снимков я увидел человека в забавной шляпе и с бензопилой. Он называл себя Янне Соломенная Шляпа и собирался валить лес. В ресторане на этой неделе обещали вареную треску под укропным соусом и жареное мясо с луковой подливой. По летней поре, я бы сказал, тяжеловато.

Тут у меня возникло чувство, что я листаю прессу, пытаюсь убить время, ибо не представляю пока, что должен делать. Сложив газету, я присовокупил ее к большой бумажной стопке. Можно подумать, только для этого сейчас их и печатают. Что газета – не более чем форма утилизации бумаги.

Я сел за стол напротив девочки:

– Есть план.

Она не отреагировала. Возможно, потому, что не особенно верила в мои планы.

– Я уже называл имя Арне. Он приезжал сюда прошлым летом, помнишь?

Девочка кивнула.

– Тебе он, кажется, нравился.

Опять кивок.

– Думаю, тебе лучше будет пожить у него, пока я тут разберусь, что к чему. Мне кажется, тебе опасно здесь оставаться, хотя, возможно, я и ошибаюсь. И потом, я доверяю Арне.

Она не отвечала.

– Я тебя не брошу, – повторил я. – Мы ведь теперь с тобой друзья, да?

Она кивнула.

– Тогда поехали прямо сейчас, пока все спят и нас никто не видит.

Несмотря на дождь, на улице было тепло. Я никого не заметил ни на мостках, ни в гавани, пока мы спускались по лестнице к моему автомобилю. Я велел девочке лечь на заднее сиденье и разрешил сесть не раньше, чем мы миновали повороты на Йонсторп, Фархюльт и Тонгу. Я вырулил на трасу 112, затем свернул на лесную дорогу и остановился. Именно так обычно поступали местные водители, когда хотели передохнуть.

Я долго вглядывался в зеркальце заднего вида, пока окончательно не убедился в том, что девочке можно пересесть на переднее сиденье. Дорога за нами была чистой. Автофургон с лестницей на крыше, трактор и два легковых автомобиля – вот все, что встретилось нам на трассе.

– Тебя не укачивает в транспорте?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Тебе часто приходилось ездить в автомобиле?

Она пожала плечами.

Несмотря на раннее утро, движение на шоссе оказалось оживленным. На внутренних полосах длинными рядами выстроились похожие на слонов фуры, и все торопились, будто

соревновались, кто быстрее поспеет на работу. Я подумал о том, как быстро иммигранты вживаются в шведское общество, несмотря на всю его ксенофобию. Я рассказал своей спутнице о маленьких польских автофургонах, которые появились на Е6, после того как открылись границы между Востоком и Западом, обратил ее внимание на польские номера на проезжавших мимо «БМВ» и «мерседесе». Нам попадались и более дешевые машины из Латвии, Литвы и даже таких экзотических стран, как Молдова, Румыния или Белоруссия.

Девочка сидела справа от меня, положив руки на колени, и смотрела прямо перед собой.

– Когда я был маленький, на наших дорогах совсем не было машин с русскими номерами, – заметил я. – И самих русских тоже не было. Но теперь, должно быть, в России настали лучшие времена. Смотри, это уже третий автомобиль с русским номером.

Я показал на черный «мерседес» с тонированными стеклами, который быстро удалялся по трассе Е160. Девочка проводила его взглядом. Не знаю, поняла ли она меня. Во всяком случае, ничего не ответила.

Собственно, к Арне я раньше ездил другой дорогой. Но там было слишком много деревушек, хуторов и разных проселков, от которых я теперь предпочитал держаться подальше. Уж слишком эти места напоминали о кошмарном убийстве, в которое мы с Арне оказались замешаны в прошлом году. Поэтому я предпочел объездную дорогу на Мальмё и был счастлив, что при мне GPS: хотя я родился и вырос в Мальмё, разобраться в хитросплетениях нового транспортного кольца было выше моих сил.

Ближе к Андерслёву дождь перестал. На темном небе показались облака. Белые, как сахар, и с темноватыми, словно подпеченными краями, они походили на воздушные пирожные.

Я вырулил на улицу, где жил Арне, и остановился возле его дома. Потом достал мобильник и позвонил.

– Да, это Арне, – глухо ответил он в трубку.

– Ты уже проснулся?

– Иначе как я бы разговаривал сейчас с тобой, Харри?

– Гостей принимаешь?

– Ясное дело. А когда ты ко мне собираешься?

– Я уже здесь.

– Здесь?

– Здесь.

– Где?

– Посмотри в окно.

В кухонном окне показалось его лицо, и он дал отбой.

Я помнил его очень толстым. Однако, получив диагноз «диабет», Арне сел на диету и теперь выглядел так, словно действительно сбросил несколько килограммов.

Девочка шла позади меня и не подала Арне руки, когда он пригласил нас в дом. Но Арне не отчаялся, ведь это ему прошлым летом удалось ее немного разговорить.

– Какая неожиданность, рад тебя видеть, – обратился он к девочке. – Похоже, у тебя все в порядке. А я вот заработал «стариковский сахар», и теперь приходится хорошенько подумать, прежде чем что-нибудь съесть. Вообще-то, это называется «диабет-два», но по сути – «стариковский сахар».

Когда-то я частенько бывал у Арне, даже жил иногда. Поэтому сейчас чувствовал себя вернувшимся домой. У Арне все было как тогда: множество разных безделушек, в комнатах

прибрано и хорошо пахнет. Он так и не выбросил свой старый ламповый телевизор. И все-таки я усмотрел кое-какие новшества: в доме появился компьютер, а на кухонном буфете магнитофон, откуда доносились звуки старого шлягера. Что-то задушевное о жизни.

– Лилль-Бабс, – пояснил Арне. – На Spotify^[4] можно найти все.

У меня там был личный кабинет, но до сих пор я им не пользовался.

– Ты слушаешь Spotify? – удивился я.

– Помнишь Томаса Скарбалиуса, литовца? – в свою очередь спросил Арне.

– Да, прошлым летом он помог мне с машиной.

– Меня научила его одиннадцатилетняя дочь. Просто показала, как это работает, сама она слушает совсем другое.

Девочка сидела тут же, на кухне, и не сводила с меня глаз.

– Хочешь немного прогуляться? – обратился я к ней. – Тут так интересно! Ты видела, какие фотографии висят в кабинете Арне? А мы посидим здесь вместе, может, Арне приготовит для нас завтрак.

Не знаю, что девочка могла понять на старых фотографиях Арне, но из кухни она вышла. Пока Арне поджаривал яичницу с колбасками, я вкратце рассказал ему о событиях последней ночи.

– Ты ведь обещал держаться подальше от таких вещей, – мрачно напомнил он.

– От каких это таких? – не понял я.

– От таких, – повторил Арне. – Эта история не сулит ничего хорошего ни мне, ни тебе, так с какой стати нам в нее влезать?

– Я и не влезал. Девочка сама прибежала ко мне среди ночи. И что мне было делать? Оставить на улице, чтобы те двое ее схватили?

– Нет, но утром ты мог бы позвонить в полицию.

Арне был прав. Именно так поступил бы на моем месте любой нормальный человек. Но что-то мне подсказывало, что, вмешайся в это дело полиция, малышке пришлось бы еще хуже.

– Она не хотела, чтобы я впутывал полицию, – пояснил я.

Арне фыркнул:

– Тогда сядешь за похищение ребенка, об этом ты не думал?

В самом деле, неожиданный поворот.

– У меня такое чувство, что те, кто ее преследует, не очень-то заинтересованы в огласке, – возразил я. – Так что обвинение в киднеппинге беспокоит меня меньше всего.

И это было правдой.

Арне разложил по тарелкам колбаски с яйцами, достал корзинку с нарезанным хлебом из муки грубого помола и позвал девочку.

– Ты ведь не откажешься от чашки кофе? – спросил он.

Я не хотел обсуждать наши дела в ее присутствии, поэтому мы перевели разговор на компьютеры, Spotify и скайп. Скайп Арне видел в сериале «Семья Джетсон» и был поражен этой технической новинкой, которая будто совмещала в себе возможности телефона и телевизора. Тут, разумеется, встал вопрос о том, как современные средства коммуникации убивают бумажные газеты. Эту тему обсуждали тогда все журналисты, как действующие, так и бывшие, словно она была частью их профессиональных обязанностей.

– Как Йордис? – вдруг вспомнил я.

– Как всегда.

– Я хочу поговорить с ней, – сказал я и повернулся к девочке. – Посиди здесь с Арне, я сейчас.

Йордис звали соседку Арне. Тонкая, почти бесплотная, как осиновый лист, с белым как мел лицом, она отличалась наблюдательностью и подмечала много интересного. Она страдала от непереносимой, как выражаются все пожилые люди, боли, которая могла нахлынуть когда угодно. Особенно больно Йордис было сидеть. Поэтому большую часть дня она стояла у окна за гардиной, такой же прозрачной и белоснежной, как и ее кожа.

Прошлым летом я уже имел дело с Йордис и сейчас был совсем не против с ней пообщаться. Старушка тоже очень обрадовалась встрече, даже легонько потрепала меня по щеке. Собственно, своим визитом я преследовал еще одну, тайную цель: хотел сделать от Йордис один звонок, не потревожив девочку.

– У Арне слишком громкая музыка, – объяснил я старушке.

– Он совсем с ума сошел, с тех пор как купил эту машину, – поддержала она, очевидно имея в виду магнитофон.

В доме Йордис и вправду стояла мертвая тишина.

Листая записную книжку, я размышлял о том, кто расчесывает на коврах Йордис кисточки.

Я искал номер Эвы Монссон.

Даже если моя подопечная и не хотела связываться с полицией, я должен был спросить у Эвы совета. Мне ведь не обязательно выкладывать ей всю правду. В прошлый раз, когда мы с Эвой вместе расследовали убийство, я тоже не делал этого. Я не обязан ни перед кем отчитываться, даже если не совершил ничего противоправного.

Но сейчас Эва не отвечала. Автоответчик предложил мне отправить эсэмэску.

Я отправил.

После этого я позвонил еще кое-кому из репортеров в надежде, что они наведут справки. Они спрашивали меня, что я могу им предложить. Не много, фактически ничего.

Потом я связался с Симоном Пендером. Я уже посылал ему сообщение, что срочно выехал к Арне Йонссону, поскольку тот вдруг почувствовал себя как никогда потерянным и одиноким. Теперь я хотел сказать Симону, что не знаю, когда вернусь.

Потом я позвонил в полицейский участок Мальмё и спросил инспектора Эву Монссон.

Мне ответили, что она в отъезде и будет только завтра.

– И где же она? – поинтересовался я.

– В Стокгольме.

Я задумался.

Потом поблагодарил Йордис за возможность воспользоваться ее телефонным аппаратом и пообещал отныне навещать ее чаще. Ее ладонь легла в мою, будто большая невесомая снежинка.

Она ненавидела Сконе.

Или нет, «ненавидела» – слишком сильное слово, она его просто не любила.

Возможно, это было связано с тем, что она бывала здесь недолго, но она никогда не чувствовала в себе ни малейшего желания навестить в Эстерлен, Фальстербу, Бостад или Тореков, – те места, где так любят отдыхать стокгольмцы.

А сейчас она сидела в сконской гавани и с презрением косилась на туристов, которые с утра пораньше уже слонялись в дождевиках вдоль берега. Туристам так положено, и вообще,

надо же что-то делать, потому что плохой погоды не бывает, а бывает плохая одежда.

Она ведь тоже путешествовала и прошла через все это.

И как же она все это ненавидела.

Ее родители любили кемпинг, и она с содроганием вспоминала дождливые летние ночи, сырую палатку и тучи комаров. Иногда заползали даже пауки, а в воде было полно медуз. Но все равно нужно было плавать и, как проклятым, разъезжать по побережью.

Тогда она поклялась себе, что, когда вырастет, не будет заниматься ничем подобным. И никогда не подвергнет такому испытанию своих детей.

Ведь есть же отели, в конце концов.

Некоторые даже с бассейнами. Здесь, в Швеции.

Однажды летом ей посчастливилось пережить аллергический шок, и врач «скорой помощи» строго-настрого запретил ночевать в палатке. Тогда она целую неделю блаженствовала в отеле, ела на завтрак что хотела и нежилась в шезлонге. Но потом папа посчитал, что это слишком дорогое удовольствие, и они уехали домой.

Собственно, она ничего не имела против этого. Просто жить дома и ничего не делать, ощущая – как бы тяжело это ни было – свою принадлежность к клану так называемых детей предместья.

Тем не менее она была вынуждена признать: этот уголок Сконе, в котором она оказалась, был довольно красив, несмотря на дождь.

Она сидела на пирсе и смотрела на поселок, взбиравшийся по крутому прибрежному склону. С другой стороны было море. Когда над ним показывалось солнце, можно было увидеть Данию. По крайней мере, вообразить.

В гавани полно иностранных судов и суденышек. Большинство – датские, но матросов она не видела. В другие дни люди греются на палубах в шезлонгах, пьют, едят или просто загорают. Ведь датчане не более чем разновидность сконцев, или наоборот? Данию она тоже не любила, потому что плохо понимала датский на слух. И сама в Копенгагене говорила только по-английски.

Она встала и прогулялась вдоль пирса. В конце концов, от дождя ее защищали низкие резиновые сапоги модной модели и огромный зонт.

Она радовалась, что больше не нужно жить в палатке, и была просто счастлива, что не вышла замуж за моряка. Правда, она плавала на яхте во Флориде, но ведь это совсем иное дело. Другие везли ее, управлялись с парусом, а она только сидела, подставив лицо солнцу.

* * *

Возвращаясь в Сольвикен, я выбрал дорогу на Хёганес. Не то чтобы события последних дней нагнали на меня страха, но я сидел в машине с неприятным сосущим ощущением в желудке. Я и сам не понимал, почему поехал на Хёганес и зачем мне вообще понадобилось в Сольвикен. Чем больше видишь, тем меньше понимаешь – в этом одном я был убежден наверняка.

Яичница с колбасками у Арне – вот все, что я съел за весь день. Поэтому я остановился возле закусочной наискосок от старой аптеки, чтобы купить пару сосисок с картофельным пюре и хлебом.

Хёганес сильно изменился с тех пор, как я бывал здесь в детстве. Он переживал упадок,

как и все промышленные городки, где производство пошло на убыль. На улицах стояла мертвая тишина, совсем как в редакции современной газеты.

И все же жизнь продолжалась.

В Хёганесе строились высотные здания и открывались сырные лавки. В книжных магазинах появлялись кафетерии и наконец-то начали продавать книги, а не только записные книжки и оберточную бумагу. Постепенно центр города со старой площади Бруксторгет сместился в квартал с множеством ресторанов, тайских и прочих, не уступающих подобным заведениям в любом большом городе. Здесь же появился крытый рынок и даже ресторан суши.

Последнее представлялось не менее немислимым, чем подземный поезд в Мальмё.

К северу от города, справа от кольцевой дороги, открылась коптильня, и рыба в ней была не хуже, чем на стокгольмском рынке Эстермальмсхаллен. Сюда тянулись длинными вереницами туристические автобусы из разных стран, тысячи туристов с туго набитыми кошельками.

Насытившись, я сел за руль и, проезжая мимо площади, вдруг заметил знакомую фигуру. В тот раз на мужчине была бейсбольная кепка, тем не менее сомнений не оставалось: это был тот самый человек, который ночью бродил возле моего дома.

Его низенький толстый приятель выруливал из «Сюстембулагета»^[5] с тележкой, полной картонных коробок. Высокий решительно направился к белому джипу на стоянке, которую «Сюстембулагет» делил с хозяйственным магазином низких цен, и оба принялись загружать коробки в багажник.

Я хотел было притормозить и податься назад, но мне помешал фургон клининговой фирмы сзади, водитель которого никак не хотел подвинуться. Должно быть, лицо у меня было в тот момент совсем не такое радостное, как у намалеванного на фургоне старичка. Я попытался отъехать в сторону, но не попал на свободное место на парковке возле суши-бара и был вынужден въехать в так называемый Торговый переулок, настолько узкий, что двум машинам там не разойтись. Вместо того чтобы дать задний ход или припарковаться, я решил проехать вперед по переулку, обогнуть квартал и вернуться на площадь с другой стороны, если, конечно, такое возможно.

Все получилось, и спустя некоторое время я остановился на парковке перед тем же «Сюстембулагетом». Открыл дверь и выпрыгнул из машины. Оставив мотор работать на холостом ходу и не закрыв дверцу, я побежал вдоль рядов машин на стоянке. Их, собственно, оказалось не так много, и мне хватило тридцати секунд, чтобы понять: белого джипа среди них нет. Едва ли в Хёганесе очень много джипов, а если он к тому же и белый, его невозможно не заметить. Поэтому я подошел к пожилому мужчине, который стоял, опершись на роллатор^[6], у входа в «Сюстембулагет», и спросил его, не видел ли он здесь большой белый автомобиль.

– Мобиль? – переспросил он.

Это оказался дряхлый старик, которому на вид перевалило за сотню, до того скрюченный, что мог смотреть только в землю.

– Машина! – повторил я. – Белая машина!

– Чего?..

Челюсти его ходили, будто он что-то жевал, что казалось сомнительным ввиду полного отсутствия зубов. Я тихо выругался. В этот момент мне попался на глаза другой мужчина, высокий и тощий. Он вел на поводке необыкновенно жирную собаку неопределенной

породы.

– Вы что-то спрашивали насчет белой машины? – обратился он ко мне.

Мужчина говорил на сконском диалекте, так что создавалось впечатление, будто он импровизирует джаз, без музыки и в очень медленном темпе.

– Да, такая большая и белая. В ней двое мужчин.

– Все так, – кивнул он.

– Где они?

– Где ж им быть? Погрузились и уехали. Точнее, грузил один, маленький и толстый, другой командовал. Ничего не носил, только указывал.

– И куда они уехали?

– Туда. – Он показал направо.

Я прыгнул в автомобиль, дал задний ход, рывком завел мотор и помчался по улочке, которая вела к площадке возле транспортной развилки, с автозаправкой «Статойл»^[7], магазином здорового питания и салоном по продаже телевизоров.

Но белого внедорожника там не оказалось.

Я медленно обогнул площадь.

Неужели они поехали прямо? Едва ли, в той стороне – вымершая часть Хёганеса, а дальше – пригороды, где одни только промышленные предприятия.

Тогда куда направо? Очень вероятно – там Хельсингборг. Но в Хельсингборге есть свой «Сюстембулагет». Значит, скорее всего, они прибыли в Хёганес по трассе 111, со стороны Лербергета, Викена и Домстена.

Позади меня нетерпеливо сигналили водители. Поэтому я сделал еще один круг по площадке, а потом решил двигаться вдоль побережья на север, в направлении Страндбадена, Ньюхамнслеге и Мёлле.

Между тем подул ветер, то там, то здесь рвались с флагштоков вымпелы и флаги Сконе. И чем дальше я ехал, тем больше убеждался в безнадежности своей затеи. Слишком много поворотов, проулков и вилл самой разнообразной архитектуры и размера попадало в поле моего зрения. Те, кого я преследовал, могли свернуть куда угодно. Что мне оставалось? Стучаться в каждые ворота и проверять, не стоит ли во дворе большой белый джип? Или приставать с расспросами к каждому встречному?

Я вернулся в Хёганес, оставил машину на парковке и зашел в «Сюстембулагет». Это был относительно новый магазин, с просторным, хорошо просматриваемым торговым залом – вполне в стиле нынешней открытой алкогольной политики. Молодой человек с короткой светлой бородкой вежливо осведомился, не нужна ли мне его помощь.

– Я разыскиваю двоих мужчин, которые заходили сюда около получаса назад. Они вышли из магазина с полной тележкой коробок, и меня интересует, кто они. Одного из них, высокого, в кепке, я как будто узнал, но не успел разглядеть как следует, был ли это тот, кто мне нужен.

Продавец посмотрел на меня внимательно:

– Да-да, они долго здесь закупались. Но ими занимался не я, а Йессика.

У Йессики были волосы цвета антрацита, черные ногти и тоненькое колечко в верхней губе. Под прозрачной блузой просматривалась татуировка на спине, которую – спину, равно как и татуировку, – я был бы не прочь разглядеть внимательнее.

– Шампанское, «Боллинген», «Лансон», «Вдова Клико»... в жизни не пробивала зараз столько, – схватилась за голову Йессика.

«Клико» на северо-западной разновидности сконского диалекта звучало до неузнаваемости странно.

– А раньше вы их здесь никогда не видели?

– Не-а. А зачем они вам?

– Кажется, одного из них я знаю, высокого, в кепке.

– Кажется... Вы в этом не уверены?

– Не успел его разглядеть.

– Боюсь, ничем не могу вам помочь.

– Очень жаль... – И тут меня осенила одна мысль. – Они ведь расплачивались банковской картой?

– Не-а... Наличными. Высокий дал двадцать семь тысяч девятьсот двадцать четыре кроны, под расчет.

– И не говорили, куда направляются?

– Не-а... Они вообще ничего не говорили. У маленького как будто шрам на щеке.

Я кивнул и напомнил, что меня больше интересует высокий.

Снаружи у дверей супермаркета на коленях стоял старичок. Он сложил ладони корытцем и шепелявил, щуря масляные глазки:

– Плисс... плисс...

Но тут опять возник худощавый мужчина с жирной собакой.

– Те, о ком вы спрашивали, очень спешили, – вспомнил он.

– Спешили?

– Да. Даже бросили здесь тележку из супермаркета. Вон она.

На парковке действительно стояла корзина на колесиках. Я бросился к ней, но чека там не оказалось. Зато я обнаружил застрявшую между спицами десятикрановую монету.

– Если вернете тележку в магазин, можете взять ее себе, – предложил я мужчине.

Тот покачал головой:

– Собаке трудно ходить.

Его питомец выглядел как насаженный на вертел поросенок.

– Они хорошо закупились, – продолжал высокий. – Неудивительно, что у них на машине был такой номер.

– А что за номер? – оживился я.

– Там стояло «RUS»^[8].

– «RUS»?

– Да, «RUS».

– О'кей, – кивнул я, хлопнул в ладоши и нырнул в машину.

Отъезжая от магазина, я увидел в зеркале заднего вида старичка с роллатором, с трудом пробиравшегося к брошенной тележке. Что ж, все на свете имеет свою цену.

Дождь стих уже на Еб, севернее Андерслёва и Мальмё. И в Сольвикене, безлюдном в шесть утра, когда мы выезжали оттуда с девочкой, теперь всю кипела жизнь. Взрослые выгуливали собак или занимались своими лодками. Мальчишки удили рыбу или ловили крабов, лежа на деревянных мостках или сидя на пирсе с пластмассовыми ведерками. Я поднялся к своему дому и вставил ключ в дверь.

Замок не поддавался.

Я дергал его туда-сюда, но язычок словно заело.

Наверное, глядя со стороны, не скажешь, но у меня до болезненности обостренная

наблюдательность и цепкая память. По крайней мере, так утверждала одна моя знакомая. Сам я никогда к этому не стремился и нигде этому не учился. Это, можно сказать, у меня врожденное.

Так или иначе, проникнув в дом, я больше не думал о проблемах с замком. Потому что, бегло оглядев прихожую и кухню, сразу понял или, скорее, почувствовал: здесь кто-то был.

Не то чтобы все было перевернуто с ног на голову, но кое-что в доме изменилось со времени моего отъезда. Дверца кухонного шкафчика стояла приоткрытой, а я всегда закрывал все дверцы в шкафах. Два довольно уродливых фарфоровых гуся на подоконнике, обычно стоявшие клюв к клюву, были развернуты боком друг к другу и оба смотрели на меня. Не могу сказать, что заправляю постель безукоризненно аккуратно, но покрывало показалось мне подозрительно смятым, не таким, как я его оставлял. Зеркальная дверь в ванной тоже стояла приоткрытой. Наконец, стоило мне заглянуть в холодильник, как я утвердился в своих подозрениях до степени непоколебимой убежденности.

Кристер Юнсон оставил мне пакет с пятью марихуановыми самокрутками. Одну я выкурил, оставалось четыре.

Однако сколько я ни рылся в холодильнике, не обнаружил ни одной.

Понимали ли мои визитеры, как важно замести следы? Возможно. Но жадность, во всяком случае на этот раз, пересилила соображения безопасности. Сам не знаю, что я надеялся найти, но я не раз видел в криминальных фильмах, как полицейские обыскивают квартиры. В шкафу, за телевизором, за абажуром настольной лампы... Я словно пробежал глазами воображаемый список. Думаю, я искал что-то вроде микрофона. Посмотрел под кухонным столом, но и там ничего не обнаружил. Я понятия не имел ни зачем кому-то могло понадобиться меня прослушивать, ни что представляет собой такого рода аппаратура. Зато прекрасно отдавал себе отчет, каким дураком выгляжу со стороны.

Наконец я вышел на веранду и позвонил Арне.

– Как ты? – спросил я.

– Отлично, как мне кажется, – отозвался Арне.

– Кто-то побывал в моем доме.

– Что?

– Кто-то вломился ко мне, пока я был у тебя в Андерслёве. Как все-таки хорошо, что я оставил ее у тебя. – (Арне пробормотал что-то невнятное.) – Я, пожалуй, вернусь к тебе, ты не против?

– Пожалуй, – отозвался Арне. – Малышке спокойнее, когда ты рядом.

– Бедняжка, – вздохнул я.

Определенно я не тот человек, рядом с которым можно чувствовать себя в безопасности.

Положив трубку, я спустился в ресторан и спросил Симона, не видел ли он кого-нибудь возле моего дома.

– Ты ждешь гостей? – поинтересовался он.

– Нет, но... Я не знаю, – покачал я головой.

– Нет, я ничего такого не заметил, все было как обычно. Ко мне заходили два парня, похоже байкеры, взяли по большому темному и по бутерброду с креветками. Но это все.

– «Ангелы ада»? Разве мы обслуживаем таких?

– Это были не «Ангелы»... Подожди-ка... Эй! – крикнул Симон в сторону кухни. – Что было у тех байкеров на жилетках?

Я не разобрал, что Симону ответили из кухни, зато отчетливо услышал его слова:

– «Рыцари тьмы»... Да, именно так. В любом случае нам не повредит быть с ними повежливее.

– Вот как?

Симон сорвал со стола скатерть и одним движением застелил новую.

– С тех пор прошло уже несколько лет... – продолжил он, расставляя тарелки. – Два Рождества подряд я выставлял «Ангелам ада» остатки праздничного ужина. С тех пор они у нас не объявлялись... Я имею в виду, в других ресторанах не раз случались кражи и били стекла, но у нас до сих пор все тихо-мирно...

Я не находил, что ответить на это. То, что откровенно криминальная банда действует в Сольвикене в открытую и даже вызывает восхищение кое у кого из местных жителей, представлялось мне позором шведской правоохранительной системы.

– И ты это говоришь? – только и спросил я.

– Говорю как есть, – пожал плечами Симон.

– А откуда ты знаешь, что твой праздничный ужин съели байкеры, а не рождественский гном?

Тут Симон громко захохотал и понес посуду на кухню.

Трудно было усмотреть логику в моих действиях. Вероятно, когда год назад я оказался замешанным в одно мокрое дело, поначалу действовал слишком нерешительно, из лени, а может, и из трусости, пока не ухватился за нужную нить.

Но на этот раз я просто не представлял себе, за что хвататься.

Двое мужчин в белом джипе. Кто они? Где они?

Я решил пройтись по лесу и выбрал то направление, откуда девочка год назад выходила к моему дому. Дождь давно закончился, но с деревьев капало, поэтому совсем скоро я насквозь промочил и штаны, и куртку.

Я не мог взять в толк, как ей удавалось так быстро исчезать в лесу и выныривать снова, когда поблизости не просматривалось и намека на тропинку. Хотя, конечно, девочка была меньше и гибче меня. Намного гибче, мысленно добавил я.

Поэтому я поступил иначе. Вместо того чтобы углубиться в лес, я решил вернуться в гавань и выбрал тропинку, ведущую на запад, в сторону Кюллаберга, по левую руку от которой был лес, а по правую – море.

По этой самой тропинке год назад я гулял с женщиной по имени Бодиль. Я не сводил с нее глаз и, возможно, поэтому просмотрел маленькую калитку и густо заросшую разнообразной растительностью изгородь слева от дорожки, которую на этот раз обнаружил на тридцатой минуте прогулки. Я никогда не видел ее раньше, хотя прошлым летом проходил здесь раз двадцать, не меньше.

Я раздвинул ветки.

На калитке висел массивный замок, весь рыжий от ржавчины. Непохоже, чтобы его недавно открывали.

Я встал на цыпочки, пытаюсь заглянуть во двор.

Собственно, увидел я немного: зеленую лужайку, которая, в отличие от изгороди, показалась мне ухоженной; несколько разнообразной формы камней, которыми была вымощена дорожка. Она поднималась вверх по холму... Больше я ничего не разглядел.

Перелезть через изгородь было мне не под силу. Я стал высматривать подходящего размера дырку и тут заметил за изгородью скрытую зарослями старую каменную стену. Поверх нее лежала колючая проволока – еще одно препятствие на пути к намеченной цели.

Да и зачем мне туда понадобилось? И к чему вообще все эти заграждения?

Меня раздрало любопытство, хотя я совершенно не представлял себе, каким образом то, что находится за этой изгородью, может быть связано с девочкой, оказавшейся в моем доме.

Но я ощущал эту связь, можно сказать, желудком.

Потому что, даже если на самом деле ее не было, я получил достаточно сигналов, чтобы заинтересоваться тем, что находилось за этим забором.

То, что я журналист, само по себе не давало мне права вторгаться на чужую территорию. Я не мог также утверждать, что именно сюда направлялась по лесной тропинке моя ночная гостья, но из всех дачных участков, с большими и маленькими виллами, наиболее подозрительным выглядел именно этот.

Я прошел вдоль изгороди сначала в одну, а потом в другую сторону.

С одного края земля была ровной, и на ней стояла желтая избушка с белыми углами и рамами. В противоположном конце участка, на скалистом возвышении, просматривалось что-то вроде дома из коричневого кирпича с большими окнами, в стиле функционализма, какие возводили в пятидесятые годы. Ограды вокруг него я не увидел, но проход к дому затрудняли окружавшие его скальные выступы. Должно быть, в свое время такая архитектура считалась революционной.

Я подошел к избушке, но там никого не оказалось. Такое впечатление, что хозяева даже заколотили ее и уехали. Что и говорить, странное решение накануне праздника летнего солнцестояния.

Если бы удалось обнаружить тропинку к большому дому, я обязательно бы ею воспользовался, однако таковой не просматривалось. Тогда я решил вернуться домой, сесть в машину и попытаться подъехать к вилле с другой стороны, где, как мне казалось, должен быть главный вход. До сих пор я считал, что изъездил все дороги и тропки в окрестностях Сольвикена, но среди них ни одна не вела к окруженному скальными выступами загадочному дому.

Я отошел метров на двадцать пять в сторону и остановился за кустарником, плохо соображая, зачем все это делаю. Что, собственно говоря, я надеялся таким образом уяснить? С другой стороны, многолетний опыт убеждал меня в том, что главное в журналистской профессии – терпение. Но сейчас, похоже, ждать было нечего, и, простояв с четверть часа, я ушел восвояси. Случайный прохожий мог бы, пожалуй, принять меня за вуайериста, но вокруг никого не было.

Сев в машину, я проехал по улочке два раза, прежде чем заметил узкую лесную дорожку, пересекавшую рощицу, на которой паслись две лошади. У одной была челка, делавшая ее похожей на певицу из старой группы тяжелого рока. Лошади не отреагировали на мое появление. Через несколько минут я вырулил к воротам и стене, которая в этом месте была вдвое выше и по крайней мере в пять раз шире, чем с другого конца двора. Если, конечно, это была та же самая стена.

Я поставил машину на обочине дороги метрах в пятидесяти от стены, подошел к воротам и заглянул во двор. Зеленая лужайка – вот все, что удалось мне увидеть. Трава была недавно пострижена. Вдыхая восхитительный свежий запах, я невольно залюбовался безукоризненными линиями газона. Ворота с этой стороны держались на двух толстых бетонных столбах. На одном я заметил домофон. На стене, по обе стороны от ворот, были вмонтированы две камеры слежения. Одна смотрела прямо на меня. Трудно было сказать,

поворачивалась ли она автоматически или кто-то управлял ею из дома, но она следовала каждому моему движению. Я хотел помахать рукой в глазок, но воздержался.

Что мне было делать? Звонить? А потом? Представиться курьером фирмы «С доставкой на дом»? Но где в таком случае мои товары? Глупая идея. Между тем дом не подавал никаких признаков жизни.

Я мог бы назваться журналистом и сказать, что готовлю репортаж о жизни людей в сконской глубинке. Я сам видел в газетах такие материалы прошлым летом. Но со мной не было фотографа. Кроме того, меня могли узнать, а если при этом они догадывались, что девочка у меня, я рисковал в том числе и ее безопасностью. Не говоря уже о своей.

Я поежился. Дрожать от страха среди бела дня – на меня это непохоже.

Я огляделся. Дорожка, на которой я стоял, была гравийной, но выглядела выровненной и ухоженной. Кроме того, у меня создалось впечатление, что ею регулярно пользуются. Я не видел за стеной никаких строений, но предполагал их наличие. Я не знал, что это могло быть: частный дом или какое-нибудь учреждение. Возможно, частная лечебница. Для них обычно выбирают такие уединенные места. С наслаждением вдыхая свежий воздух, я размышлял о том, почему трава так здорово пахнет. Потом начал накрапывать дождь. Я сел в машину, повернул ключ зажигания и тут же пожалел об этом.

Потому что в этот момент меня осенило.

Ведь если дорогой кто-то пользуется, значит дом не безлюден.

Он не подавал никаких признаков жизни, но кто-то ведь подстригал сегодня эту лужайку?

Сворачивая на шоссе, я был вынужден остановиться, чтобы пропустить двух байкеров. Я проследил за ними в зеркальце заднего вида: оба свернули в сторону ворот. На парковке я развернулся и поехал обратно, но не увидел возле стены ни байкеров, ни мотоциклов. Дорожка упиралась в лужайку посреди леса слева от ворот, то есть байкеры, очевидно, проникли во двор. В задумчивости я постукивал по рулю.

Или стоит все-таки воспользоваться домофоном?

Возможно, но что мне в таком случае им сказать?

Убедительного предложения никак не удавалось придумать. Но я ведь всегда мог соврать, что заблудился.

Подрулив к воротам, я вышел из машины, оставив мотор работать на холостом ходу, и нажал кнопку.

В микрофоне что-то щелкнуло, но только и всего.

Я повторил попытку и на этот раз услышал женский голос:

– Что вам угодно? Сейчас не приемные часы.

Голос звучал резко, почти пренебрежительно. Или мне так показалось?

– Я заблудился. Мне нужно в Сольвикен, вероятно, я не там повернул.

– Поезжайте до шоссе, там повернете налево, – объявила женщина и завершила разговор.

Вернувшись в машину, я закрыл дверцу и позвонил Арне. Тот отвечал, что все хорошо, малышка смотрит по телевизору какой-то старый фильм про дождь.

– Вот уж не думал, что сегодня показывают такое, – удивился я.

– Это еще что, до этого был Нильс Поппе, он же солдат Бом^[9].

– Помнишь банду байкеров, которая квартировала прошлым летом у вас в Андерслёве? – спросил я.

– «Темных рыцарей»? Да, были такие.

– «Рыцарей тьмы», – поправил я. – Что с ними случилось? Я не видел их герба на автомастерской. Ведь там была их штаб-квартира, когда в прошлом году я приезжал в Андерслёв?

– Коммуна выкупила мастерские, и их оттуда попросили. Собственно, коммуна всегда владела этим помещением. Она подняла арендную плату, и «рыцари» не потянули.

– И куда они делись, не знаешь?

– Нет, но могу навести справки.

– Передавай привет малышке, – попрощался я.

Завершив разговор, я развернулся и направил машину в сторону шоссе.

Кое-что, во всяком случае, мне удалось выяснить. Строгая женщина в домофоне сказала, что сейчас не приемные часы, следовательно, за стеной находилось какое-то учреждение.

Зато по возвращении в Сольвикен мне не пришлось долго искать газонокосильщика. Андриус Сискаускас что-то объяснял двум своим «мальчикам», время от времени показывая в сторону веранды, где стоял Симон Пендер.

Андриус всегда был полон грандиозных планов. Быть может, на этот раз ему вздумалось выстроить мост через залив Шельдервикен. К началу этого лета, во всяком случае, он соорудил при ресторане Симона Пендера коптильню.

Андриус приехал из Литвы, где, как он сам говорил, работал адвокатом. В Сконе он начинал как сборщик овощей, дослужился до бригадира и со временем стал инвестировать заработанные деньги в строительство и автомобильный бизнес. Сейчас у него были свои рабочие, около дюжины выходцев из Литвы. Он называл их «мальчиками».

Этим летом Андриус носил характерную стрижку маллет, белокурую бородку и что-то вроде кольца в правом ухе. На шее у него на золотом обруче висел акулий зуб, что уже откровенно отдавало модой семидесятых.

Зато он сразу понял, о каком доме я говорил. Он даже стриг там траву. То есть не сам он, конечно, а его «мальчики». У Андриуса было три газонокосилки, и все три всегда на ходу. Его территория простиралась от пригородов до Хельсингборга, от Йонсторпа и до Энгельхольма.

– Те, кто живет там, неплохо пристроились, – заметил Андриус, имея в виду дом за стеной. – В Литве они живут в старых зданиях, да и кормят там плохо.

На словах «те, кто живет там» Андриус покрутил пальцем у виска.

– Девяностопятипроцентники, ты имеешь в виду? – спросил я.

– Никаких девяноста пяти, я всегда даю сто, – отчаянно затряс головой Андриус. Похоже, я переоценил его познания в шведском. – Потому что должен. Шведы не хотят работать, хотят только отдыхать. Но нужно иметь сто двадцать пять и десять процентов...

Я не стал уточнять у него, что все это значит, и вместо этого спросил:

– А кто владеет этим учреждением? Это ведь что-то вроде психиатрической лечебницы? Кто там всем управляет?

– Этого я не знаю. Я посылаю счет-фактуру по мейлу, деньги поступают на счет. Я вообще с ними не вижусь.

– Но в самый первый раз, когда они тебя нанимали, неужели вы не встречались?

– Меня разыскал человек из Польши, по рекомендации. Я послал ему мейл, мы не встречались.

– Из Польши? – удивился я. – Но если он здесь, на него можно как-то выйти?

– Я не знаю, – пожал плечами Андриус. – Но наведу справки, если хочешь.

Я кивнул.

– А ты никого не видел там, пока вы стригли газон?

– Никого. Все они были внутри. Может, им надо спать.

– Дашь мне мейл?

– Позже пришлю на мобильный.

Я вернулся в свой дом и зашел на сайт местной газеты. Там не оказалось ничего интересного. За исключением того, что какого-то нищего у входа в «Сюстембулагет» облили горчицей. Не исключено, что это был тот самый старичок, которого я там видел.

Я набрал в «Гугле» «Рыцари тьмы», но и это мало что дало. В серии репортажей утренней газеты сообщалось, что «рыцари» воюют с двумя другими байкерскими группировками, названий которых я не нашел.

Тут мой мобильный издал звук, похожий на удар по клавишам старой печатной машинки, и это означало поступление эсэмэски.

Андрюс прислал мне адрес тех, кто, по его словам, заправлял в психиатрической лечебнице. Я не представлял себе, что мне с ним делать.

Написать им и спросить, сколько стоит у них подлечиться? Если они, конечно, вообще этим занимаются. Или поинтересоваться, зачем к ним ездят байкеры?

Хотя, возможно, байкеры понятия не имеют о том, что творится за стенами дома. С другой стороны, кто сказал, что у «рыцарей тьмы» не бывает душевнобольных мам?

* * *

Ей понадобилось еще несколько дней, чтобы изучить окрестности, прогуливаясь до гавани и обратно, вдоль побережья и по многочисленным улочкам.

Она привыкла к одиночеству и даже полюбила его. Во всяком случае, научилась извлекать из него пользу.

Ее муж изменился с тех пор, как начал зарабатывать большие деньги.

Вполне возможно, что удачливость не пошла ему на пользу.

Она не вникала в детали его нового – такого уж и нового? – проекта, в которые ее все равно никто не собирался посвящать.

Нет, она не была глупа, даже если в свое время не слишком усердствовала в школе и избегала умников, чтобы не выглядеть на их фоне дурой.

Но каждый раз, когда она пыталась о чем-нибудь расспросить или высказывала свою точку зрения, муж отвечал, что ей не следует так напрягать свои слабые мозги. А свекор со свекровью только смеялись:

– Иди лучше поговори с подругами о моде и косметике. Ты ведь всем им можешь покрасить ногти?

То, что она училась на маникюршу, когда познакомилась с их сыном, было вечной темой их шуток.

Они и не догадывались, что ей кое-что известно и что она продолжает копать дальше.

* * *

Инспектор криминальной полиции Эва Монссон, к моему удивлению, совсем не рассердилась на то, что я не обратился к ней сразу. Быть может, потому, что была по уши в работе и просто не могла думать ни о чем другом.

Эву включили в состав группы по борьбе с экономическими преступлениями. Я заехал за ней в Стуруп, и по дороге в Мальмё она захлеб рассказывала о том, чем там занимается.

Собственно, аэропорт больше не называется Стуруп, теперь это просто аэропорт Мальмё. Вывеску сменили, но разбросанные по полю продолговатые здания рапсово-желтого оттенка остались те же. Хотя не совсем. Тоскливые строения восточноевропейского образца постепенно превратились в торговые центры – квинтэссенцию и венец западноевропейской цивилизации. Сам я давно не бывал здесь, так что этот процесс прошел мимо меня.

Эва Монссон прислала мне сообщение с указанием рейса, и я предложил подбросить ее до Мальмё. Ко всему прочему, мне надо было с ней поговорить.

Однако вышло так, что говорила только она. Хотя я ничего не имел против этого. Мне нравился ее голос и сконский выговор.

Мы были знакомы больше года. Когда-то Эва носила короткую стрижку, теперь ее темные волосы отросли почти до плеч.

Она хорошо смотрелась с короткими волосами, но и с длинными ничуть не хуже.

Она вообще здорово выглядела, я всегда так считал.

Эва хорошо разбиралась в рокабилли, и мы подолгу могли болтать о музыкальных группах и виниловых синглах.

Правда, сейчас, когда она рассказывала о курсах в Стокгольме, ее карие глаза горели от негодования. Но это не убавляло ей привлекательности.

– Представляешь, какая скука эти лекции об отмывании денег! Нас учили, как правильно читать выписки из банковских счетов и как можно проследить перемещение финансов из России в Швецию и дальше, в Швейцарию или страны Карибского бассейна...

– Но ведь это чертовски интересно, – не соглашался я.

– Чертовски... – передразнила она. – Вот только не для меня. Курс вела бывший криминальный инспектор. Сама она давно завязала с полицией и теперь занимается компьютерной безопасностью банков и всем таким... Ну и получает, конечно... – Эва вздохнула, – не то что мы, простые смертные.

Мы миновали автозаправочную станцию возле Сведалы, где в прошлом году так называемый экзекутор подцепил одну из своих жертв. Это была молодая женщина, которую он высек и задушил, а мне потом прислал в конверте ее сережку. Ее тело нашли в машине на долгосрочной парковке аэропорта Мальмё.

Когда Эва остановилась перевести дыхание, я воспользовался моментом и рассказал ей о девочке из леса.

– И где она сейчас? – спросила Эва, когда я закончил.

– У Арне в Андерслёве.

– Пусть пока там и остается, – кивнула она. – Я наведу справки у одной коллеги из Хельсингборга. Они мне там кое-чем обязаны... – Некоторое время Эва молчала, как будто о чем-то думала. – И ты не знаешь, кто эта девочка? – наконец спросила она.

– Я видел ее всего несколько раз в прошлом году. Она проявляла интерес к нашей компании, но как будто чего-то боялась. Один раз Арне даже удалось угостить ее чашкой кофе.

Эва рассмеялась:

– И ты не догадываешься, кто мог бы ее преследовать?

Я покачал головой:

– Один из них высокий, как каланча, другой низенький и толстый, как бочка.

– И ты видел их потом в городе?

– Да. Они накупили там спиртного и загрузили его в белый джип.

– Номера не знаешь?

– Нет. Но там стояло «RUS». Это все, что смог сказать мужчина, который видел их возле «Сюстембулагета».

– Значит, номер русский.

– Что?

– Они из России. «RUS» на номере означает «Россия».

Я никогда не краснею, так уж я устроен. Иначе залился бы краской, как рак.

Потому что иногда я бываю так недогадлив, что стыжусь самого себя.

И я еще втолковывал девочке по дороге про русские автомобили!

Я ничего не сказал в ответ на замечание Эвы, только кивнул:

– И его можно разыскать?

– Белый внедорожник из России? Не исключено. Я наведу справки.

– Ты голодна? – решил я сменить тему.

– Немного.

Мы наскоро перекусили в китайском ресторанчике «Кин-Лонг» в Мальмё, а потом я отвез Эву домой.

– Ну и что мне теперь делать? – спросил я ее, прощаясь.

– Подожди до утра. Завтра я делаю в группе доклад о том, что узнала на курсах. А потом свяжусь с Линн. Ее фамилия Сандберг, она работает в полиции Хельсингборга.

Когда я вернулся в Андерслёв, Арне и девочка уже поели. Пока они пили кофе на кухне, я листал газеты, которые купил в киоске в аэропорту Мальмё. Но там по-прежнему ничего не было о пропавшей девочке.

Местная пресса вот уже в который раз сообщала о краже дизельного топлива с фермы, свастике на дверях дома престарелых и случаях насилия над женщинами. Наверное, то, что насильники ставятся в один ряд с воришками, можно считать приметой нашего времени.

Покончив с кофе, девочка уселась было ко мне на колени, но мы с Арне отправили ее принимать душ. Я помню, что в ванной шумела вода, когда я открыл местное приложение к газете, в которой когда-то работал сам. И первое, что я увидел, был белый джип.

Тот самый, в этом у меня не возникло никаких сомнений.

В статье сообщалось о каком-то известном миллионере, который переехал жить в Мёлле, но он интересовал меня меньше всего. На фотографии спиной к поселку стоял мужчина, а чуть выше по улице, возле отеля «Кюллаберг», припарковался белый внедорожник с тонированными стеклами. Номера я не видел, его заслонял перегородивший дорогу мотоцикл. Но тип, который курил возле джипа, и был тот самый толстяк, который со своим долговязым напарником преследовал мою ночную гостью.

Некоторое время я безуспешно пытался разглядеть, сидел ли кто-нибудь в машине, а потом пробежал глазами статью. В скупых и довольно корявых фразах журналист сообщал, что переехавшего в Мёлле миллионера зовут Якоб Бьёркенстам, что он предпочитает держаться в тени и купил дом в глубинке, потому что там его корни.

О том, что это за корни, умалчивалось.

О джипе перед отелем с уличным ресторанчиком также не было сказано ни слова. Автор статьи Тим Янссон работал в газете еще при мне, коллеги называли его Щенок, и я считал его никуда не годным репортером. Имя фотокорреспондента, Бритт-Мари Линдстрём, тоже показалось мне знакомым. Тут же, в газете, я нашел их телефоны и мейлы.

Я показал газету Арне:

– Вот автомобиль, который я видел в Хёганесе, и парень, который преследовал девочку.

Арне пробежал глазами статью:

– Ну и что нам это дает?

– Не так уж и много, – согласился я.

Мы совсем упустили из виду стоявшего рядом с джипом главного героя материала. В отличие от девочки. Она только что вернулась из душа и взобралась ко мне на колени, когда вдруг в поле ее зрения попал снимок. Громко вскрикнув, девочка тут же убежала в гостиную, бросилась там на кровать и с головой накрылась одеялом. Я пошел за ней и попытался успокоить, что оказалось непросто, ведь я не имел почти никакого опыта общения с детьми.

– Пойдем на кухню, – утешал я ее. – Уж лучше сидеть там со мной и Арне, чем дрожать здесь одной под одеялом. Они сюда не придут, никто не знает, что ты здесь.

Арне достал из морозильника брикет мороженого и, пока малышка ела, внимательно перечитал статью несколько раз. Из динамиков лилась песня «Такова жизнь». Арне бурчал себе под нос и заметно нервничал. Статья и в самом деле мало что нам давала.

Итак, Якоб Бьёркенстам, «подпольнейший шведский миллионер сорока восьми лет». Именно так, «подпольнейший». Я невольно задался вопросом, куда смотрел редактор. Недавно Бьёркенстам купил летний дом в Мёлле. Здесь его корни, и он намеревается инвестировать немалые деньги в развитие коммуны, у которой, по его мнению, большое будущее. И никакой конкретики, ни о доме, ни об инвестициях. Зато сообщалось, что Бьёркенстам разбогател за счет каких-то махинаций на Востоке. Каких именно, не уточнялось. Вообще, складывалось впечатление, что журналист не вполне вник в суть дела, что меня, впрочем,нисколько не удивило. Вопрос о том, был ли Бьёркенстам женат или холост, опять же не затрагивался. Говорилось только, что при всем при том он остается стокгольмцем, решившим проводить летний отпуск на лоне прекрасной природы Северо-Западного Сконе.

Тем не менее на снимке Бьёркенстам выглядел даже очень неплохо. Широкая улыбка обнажала ровный ряд зубов. Густые волосы зачесаны набок, а в лице что-то неуловимо мальчишеское, что часто встречается у представителей высшего общества, независимо от их возраста. На миллионере были светлые брюки и легкий темный жакет. Ворот белой рубахи расстегнут. Выражение лица такое, будто он флиртует с фотографом.

Я отложил газету. Арне всплеснул руками, будто желая сказать: ну и что же нам теперь делать?

Я взял ладошки девочки и задумался, пытаюсь сформулировать свою мысль.

– Ты его знаешь, Якоба Бьёркенстама?

Девочка глубоко вздохнула. Потом вырвала свои руки из моих и сложила на груди. Некоторое время она молча смотрела в сторону стола, где стоял компьютер Арне.

– Я искал тех, кто преследовал тебя, – сказал я. – Это их машина на фотографии.

Глаза ребенка наполнились слезами. Они катились по щекам крупными каплями, но девочка по-прежнему не издавала ни звука. Я протянул ей бумажные полотенца. Она утерла

лицо, но соленый поток не иссякал.

– Что я могу для тебя сделать? – в отчаянии спросил я.

Она, конечно, не имела об этом ни малейшего понятия. Просто встала, обошла стол и снова взобралась ко мне на колени. Когда, содрогаясь от рыданий, девочка обняла меня за шею, я почувствовал, что у меня намок воротник.

– Успокойся, мы все уладим... – повторял я, поглаживая девочку по спине, – так или иначе... Мы с Арне всегда на твоей стороне... Ты и я... Мы не так много знаем друг о друге... но мы вместе, а это не так уж и мало...

Когда малышка наконец уснула на кровати в гостиной, а Арне пошел посмотреть телевизор, я сделал два звонка: Щенку и его фотокорреспонденту. В обоих случаях включился автоответчик, на который я был вынужден надиктовать, кто я такой и что мне нужно. Судя по сигналам с телефона Щенка, тот находился за границей.

Потом я сел к компьютеру и набрал имя Бьёркенстама в «Гугле». Обнаружились две небольшие статьи в Википедии: одна по-шведски, другая по-английски. Не исключено, что именно они послужили для Щенка единственными источниками информации. Содержащиеся в них сведения были скупы и поверхностны и ничего не прибавляли к его заметке. Кроме разве того, что «подпольный миллионер» сколотил свое состояние на каких-то сделках в России и Украине. Об этом Щенок не упомянул. Быть может, просто потому, что понятия не имел, где находится эта самая Украина.

Там же я нашел четыре снимка Бьёркенстама. Два из них походило на фотографии в паспорте. Еще на одном он, совсем молодой, позировал в боксерских перчатках и белой майке. Наконец, на четвертом он был в смокинге, рядом с женщиной в длинном платье. Похоже, этот снимок сделали на торжественном приеме или церемонии вручения какой-нибудь премии. «Якоб Бьёркенстам с женой Агнетой» – гласила подпись внизу.

Супруга едва доставала ему до плеча. Темные волосы миллионера были взъерошены. Эта прическа в стиле ретро, отдававшая модой шестидесятых, наверняка обошлась в целое состояние.

Глаза женщины блестели. Оба победно улыбались в камеру.

Были и другие статьи, в «Дагенс индустрии» и «Афферсвельден», но и они мало что мне прибавили. Похоже, Бьёркенстамы несколько лет прожили за рубежом.

Я по-прежнему не понимал, какое отношение имеет ко всему этому белый внедорожник. Но одно то, что он зарегистрирован в России, где у Бьёркенстама был бизнес, подтверждало существование этой связи.

Около одиннадцати часов зазвонил мой мобильник. Приняв вызов с неопознанного номера, я услышал в трубке женский голос:

– Это Харри Свенссон?

– Точно.

– Простите, что отозвалась не сразу, я была на работе... Это Бритт-Мари, фотограф... Бритт-Мари Линдстрём...

Я объяснил ей, что меня интересует снимок, который она сделала в гавани в Мёлле: миллионер Якоб Бьёркенстам на фоне белого автомобиля. Скорее даже этот автомобиль.

– Вы ведь, наверное, сняли больше. Есть еще фотографии?

– Не так много. Меня торопили. Всего-то щелкнула раз семь или восемь, в лучшем случае.

– Я не знаю, каким образом... – смутился я, – но нельзя ли увеличить изображение

автомобиля, по крайней мере, той его части, где номер?..

– Не совсем понимаю, о каком автомобиле вы говорите, – замялась Бритт-Мари.

– На снимке есть машина, приглядитесь... возле отеля. Рядом с ней курит какой-то толстяк...

– Хорошо, я попробую, – отозвалась женщина в трубке. – Картинки перешлю вам завтра утром, идет?

Я сообщил ей адрес электронной почты.

– И еще, мне нужно связаться с автором статьи, но он не отвечает...

– Его я совсем не знаю. Мы виделись в гавани, но только и успели, что сделать друг другу ручкой. Когда я подъехала, он уже закончил с интервью и садился в машину.

– О'кей, буду ловить его дальше, – отозвался я.

Сделав звонки, я отправился к Арне. На экране мелькали кадры новостей Си-эн-эн: бомбежки в Ираке, Сирии или секторе Газа... Женщины с вздетыми к небу руками, оборванные ребятишки среди опаленных руин... Дремавший в кресле старик не заметил, как я выключил телевизор.

Слушая громкий храп Арне, я невольно усомнился в том, что его дом – самое безопасное место для девочки. С моей стороны было, пожалуй, необдуманно и легкомысленно обещать ей здесь надежное укрытие.

Чего я только ни боялся – леса, заброшенных кораблей и заводских корпусов, – но только не темноты. Да и кто станет утверждать, что шведская ночь накануне праздника летнего солнцестояния может быть темной и зловещей! Тем не менее в постели мне было не по себе, и это притом, что мне и раньше приходилось ночевать у Арне. Сквозь привычные ночные шумы прорывались странные, пугающие меня звуки.

Арне храпел.

Ветка царапала крышу.

Что-то упало с дерева и стукнулось о землю.

Потом в траве прошелестел ветер.

Ударился о стену ставень.

И при каждом шорохе у меня неприятно щекотало в желудке.

В оконные стекла стучали дождевые капли. Мне показалось, что ветер усилился.

При следующем порыве капли застучали в окно, как горошины.

На кухне затарахтел холодильник.

Потом мимо дома проехал автомобиль. Он как будто развернулся и встал.

Нервы мои натянулись еще сильнее.

Теперь мотор работал на холостом ходу.

Хлопнула дверца, послышались голоса.

Мотор смолк.

Снова хлопнула дверца, но шагов я не услышал.

«Должно быть, соседи», – подумал я.

Слева от Арне жила Йордис. Дальше стояли другие дома, с незнакомыми мне обителями.

Я попытался расслабиться и еще раз прокрутил в голове события последнего дня: появление девочки, мужчин, которые ее преследовали, вторжение в мой дом, загадочную виллу, байкеров, Якоба Бьёркенстама и снимок в газете, которого так испугалась девочка.

Все это меня несколько не успокоило.

Тогда, вместо того чтобы считать овец, я принялся перечислять составы футбольных команд. Но запнулся на «Манчестер юнайтед», потому что никак не мог вспомнить, кто был центровым, кроме Стива Брюса, в их встрече с гётеборгской IFK в матче на Кубок Швеции в девяностые годы. Он был высокий, я буквально видел его перед собой. Конечно, я мог бы справиться в «Гугле», но в моем случае это было бы откровенное жульничество.

Тогда я прислушался, не отдавая себе отчета в том, что, собственно, хотел услышать. Потом решил посмотреть на девочку и поднялся с постели.

Она казалась погруженной в глубокий, спокойный сон.

Как и весь Андерслёв, кроме Харри Свенссона.

Я вернулся в постель.

* * *

На первых порах она не придавала этому большого значения, но со временем поняла, что ожесточенные дискуссии между сыном и родителями на повышенных тонах означали, что тот в чем-то потерпел неудачу. Такое случалось нередко. Очевидно, он был не таким успешным, каким хотел казаться.

Сама она, как и ее супруг, участвовала в том, что называлось их семейным бизнесом. Это ее изображение красовалось на упаковках всевозможных продуктов: булок и колбасы, пакетов с замороженной клубникой, птичьими тушками, котлетами, на лотках с нарезками и прочими вкусностями. Поначалу это казалось ей забавным, а потом порядком смущало, и она стала избегать магазинов, торгующих продукцией счастливого семейства. Кроме того, супруг вдруг решил, что ей пристало закупаться исключительно на Эстермальмском рынке.

Когда родился сын, появился новый рекламный снимок.

На нем была и любимая собачонка свекрови. Она сидела на коленях хозяйки и выглядела счастливее их всех.

Когда она умерла, сделали другой снимок, с новой собакой.

Эта реклама красовалась на магазинах низких цен, которыми владел ее свекор, по всей Швеции. В рекламном бюро снимок снабдили коротким текстом о том, как важна семья, особенно в наше время. В чем особенность именно нашего времени, не уточнялось. Вопрос о том, как именно влияет крепость семейных уз на толщину колбасной нарезки, также оставался открытым.

И только ей одной это казалось забавным, так что она смеялась каждый раз, вспоминая эту рекламу.

* * *

Когда ее родители развелись, дочь с матерью продолжали жить на отцовском подворье, в отдельном доме. Ей повезло: из всех возможных вариантов она предпочла бы этот. Некоторые из ее одноклассниц жили неделю с мамой, неделю с папой, другие проводили с отцами только воскресенья.

Здорово, что им с мамой не пришлось переезжать, и она в любое время могла

выбирать между отцовской виллой и домом, где жила ее мама.

Отец с матерью оставались друзьями. Другие мальчики и девочки сильно страдали от постоянных ссор между родителями – из-за одежды, семейных обязанностей, из-за того, кому что делать, кому заезжать за ребенком и кому за ним присматривать, но прежде всего – из-за денег.

Ее мама занималась магазином при ферме: торговала картофелем, помидорами, луком, ревенем, яблоками, соками, огурцами, свеклой, цветной капустой, салатом и всем прочим, что только может производить крестьянское хозяйство.

В то утро мама сварила кашу и устроилась за столом с чашкой чая и утренней газетой. Дочь, в отличие от нее, пила только кофе, к этому ее приучил отец. Девочка наливала себе молоко и уже собиралась завтракать, когда во двор завернул автомобиль.

Поначалу они не отреагировали. И покупатели, и поставщики постоянно подъезжали к магазину на машинах. Иногда на велосипедах – такие звонили в подвешенный на крыльце колокольчик. Но на этот раз через открытую дверь послышались раздраженные мужские голоса. Мать с дочерью насторожились. Потом что-то громко щелкнуло, хлопнула автомобильная дверца. Судя по звуку, машина выехала со двора.

– Что за черт? – раздраженно спросила мать.

Она отставила чашку, бросила газету на пол и выбежала за дверь.

Девочка оставалась на месте, пока не услышала крик – пронзительный, душераздирающий. Тогда она тоже выскочила во двор и, обегая угол дома, столкнулась с матерью, которая пыталась ее остановить, но было поздно.

Девочка уже увидела отца, неподвижно лежавшего на дороге.

Лицом вверх, с приоткрытым в безмолвном крике ртом.

Она сразу поняла, что папа мертв.

Ей захотелось кричать, но что-то сдавило горло.

Вторник, утро

Проснувшись, я первым делом схватил мобильник и обнаружил непрочитанную эсэмэску от Щенка. Он просил меня с ним связаться, потому что звонить из Таиланда чертовски дорого.

Арне с девочкой уже сидели на кухне. Он – за очередной разновидностью полезных для желудка хлопьев. Она жевала бутерброд с ливером и ломтиками помидора и огурца.

Я налил себе кофе и отправился в кабинет Арне позвонить. Обрушив на меня поток впечатлений о жизни в Таиланде – кого, собственно, интересовало, насколько мне это нужно и нужно ли вообще, – Щенок наконец признался, что не помнит никакого странного автомобиля. Судя по всему, он действительно встречался с Бьёркенстамом, и это меня удивило больше всего.

– Какого черта, Свенссон, это давняя история... Или сам не помнишь, как это бывает? Среда, вторая половина дня, на носу Мидсоммар^[10], а мне еще работать. У нас в Стокгольме затевалась большая вечеринка с грилем, и мне надо было встретить поезд из Мальмё. Ну, я погуглил, скоренько набросал заметку и отослал в газету прямо из машины. Собственно, надергать мне удалось не так уж много...

– Меня больше интересует автомобиль, который стоял возле отеля, – перебил его я.

– Разве там был отель?

Тут я понял, что продолжать разговор не имеет смысла, и попросил Щенка перезвонить, как только он что-нибудь вспомнит.

Сразу по завершении этого разговора объявилась Бритт-Мари Линдстрём. Она как раз что-то снимала в окрестностях Сольвикена.

– У вас там, кажется, ресторан? – спросила Бритт-Мари.

– Ну... – замялся я, – вообще-то, это ресторан моего друга Симона Пендера... А сам я непонятно чем здесь занимаюсь...

– Не уверена, что у меня получится отправить вам фотографии по мейлу. Но ноутбук при мне, и я смогу показать их вам на мониторе, если пригласите на чашечку кофе.

– Сейчас я не дома. И мне потребуется чуть больше часа, чтобы туда добраться.

– В десять вас устроит? Я буду со своей напарницей.

Я сказал «о'кей» и вернулся на кухню.

Арне и девочка уже поели. Он разгадывал кроссворд, а она что-то рисовала в блокноте.

– Не представляю, что делать дальше, – признался я Арне. – Где искать Бьёркенстама в Мёлле? Я пытался найти адрес в Сети, но там ничего нет ни о нем, ни о жене, как ее... Агнете. Они ведь только что переехали, возможно, еще не успели зарегистрироваться.

– А что, Мёлле – такой большой город? – удивился Арне.

– Нет, совсем небольшой.

– Тогда поезжай, поговори с народом. Потолкайся в гавани, всегда найдется кто-нибудь, кто знает.

– Хорошая идея, – согласился я. – Сейчас у меня встреча с фотографом, это она снимала Бьёркенстама возле отеля. Ну а потом сразу в Мёлле...

Стоило мне помянуть Бьёркенстама, как Эмма подняла глаза. Боль или страх – трудно понять, что в них было. Я обнял ее, попрощался с Арне и вышел к машине.

На часах было чуть больше восьми, но я уже понял, что нам предстоит пережить один из самых жарких дней нынешнего лета. Солнце накалило камень, превратив переулок в подобие духовки, а воздух дрожал и переливался всеми цветами радуги, как это бывает в фильмах про Лос-Анджелес. Не исключено, что слухи о глобальном потеплении не такая уж ерунда.

Чуть к северу от Мальмё меня осенило: Гари Полистер, вот кто играл тогда в защите «Манчестер юнайтед» вместе со Стивом Брюсом! Гимнастика для мозгов вообще полезная вещь. Арне разгадывает кроссворды, я вспоминаю составы футбольных команд.

В Сольвикене было так же жарко, как и в Андерслёве. Зато, добравшись до дома на этот раз, я не обнаружил никаких следов взлома. Ключ, правда, по-прежнему застревал в замке, но комнаты я нашел в том же состоянии, в каком оставил.

Я позвонил Эве Монссон и спросил, что новенького. Но она только что проснулась, и ей было нечем меня порадовать.

Спустившись в ресторан, я разогрел в духовке два багета, выставил на стол чашки, масло и начинку для бутербродов. Я как раз наливал себе кофе, когда на поднимающейся от моря лестнице показалась Бритт-Мари Линдстрём.

– Вы одна? – удивился я.

– Напарница осталась в машине. Она из тех, кто предпочитает мобильники живому общению.

В шортах цвета хаки, белой футболке и стеганом жилете с множеством карманов всевозможных форм и размеров – я называю такие фотокуртками – Бритт-Мари выглядела как истинный папарацци старой закваски.

Она водрузила ноутбук на стол.

– Я разговаривал со Щенком, но...

– Со Щенком? – удивилась Бритт-Мари.

– Простите, вообще-то, он Тим Янссон, но коллеги называют его Щенок... по крайней мере, я его так называю...

Бритт-Мари кивнула, как будто действительно что-то поняла. Потом открыла крышку и включила ноутбук.

Не прошло и минуты, как на мониторе появились интересующие меня фотографии.

Всего четыре штуки. Первая – исходный снимок Якоба Бьёркенстама на фоне белого джипа. Остальные так или иначе представляли собой увеличенное изображение автомобиля. Разобрать номерной знак, несмотря на все старания Бритт-Мари, ни на одном из них не представлялось возможным: мешал стоявший поперек дороги мотоцикл.

При этом мне показалось, что за рулем внедорожника кто-то сидит.

На двух снимках толстяк с сигаретой смотрел в землю, чуть скосив глаза. На третьем он глядел прямо в камеру. Тогда у него еще не было красной отметины на щеке. Очевидно, она появилась позже.

– Вообще-то, я надеялся разобрать номер, – робко напомнил я.

– Понимаю, но я сделала все, что в моих силах, – ответила Бритт-Мари.

Она была брюнеткой и носила короткую стрижку с косой челкой. Круглое лицо с мягкими чертами выглядело вполне дружелюбно. Оторвавшись от монитора, Бритт-Мари кивнула в сторону гавани и залива Шельдервикен:

– Здесь так красиво! Вот так бы и сидела тут с вами до самого вечера...

– И что вам мешает?

– Делаем рекламу мороженого.

– Обычная летняя работа, – рассудил я.

– Именно этим я и занимаюсь каждое лето на протяжении последних сорока лет. – Она вздохнула. – Да, в следующем году мне стукнет шестьдесят и я выйду на пенсию... Надеюсь, газета доживет до этого времени. Разные ходят слухи: что кто-то собирается нас купить, что мы превратимся с бесплатную листовку, что будем существовать только в Интернете...

– С газетами сейчас положение сложное, – согласился я.

– Я слишком стара для всего этого. У меня внуки, и я не хочу делать рекламу мороженого. Да, я люблю фотографировать, но кому сейчас это нужно? Вон та девушка, – она показала в сторону машины, – сможет не хуже меня снять мороженое на мобильник. – Бритт-Мари кивнула на монитор. – А зачем вам все это надо, простите за любопытство?

– Сам не знаю, – пожал я плечами. – Есть основания полагать, что эта машина имеет отношение к делу, которое я сейчас распутываю. Но какое именно – это я пока плохо себе представляю.

Я не стал рассказывать ей, что девочка, которая прячется в доме Арне, узнала Бьёркенстама на фотографии.

Бритт-Мари намазала багет маслом и положила сверху ломтик копченой колбасы:

– Хлеб сами печете?

– Да, у нас работает повар из Литвы. Готовит для посетителей и печет хлеб. – Я развернул к себе ноутбук и принялся кликать на фотографии. – А что вас, собственно, заставило отправиться в Мёлле в тот день?

Бритт-Мари ткнула пальцем в изображение Бьёркенстама на экране:

– Не знаю, просто мне сказали, что надо снять этого человека. Сама я газет не читаю, поэтому понятия не имею, в чем там дело.

– Я читал эту статью, но тоже мало что понял, – признался я.

В этот момент у нее засигналил мобильник.

Выудив его из кармана, Бритт-Мари водрузила на нос очки с квадратными стеклами.

– Напарница прислала эсэмэску. Пожалуй, я засиделась...

– Большое спасибо за помощь.

– Я сделала не так много, – заскромничала Бритт-Мари. – Очень приятно было снова навестить эти места. Последний раз я была в Сольвикене несколько лет назад.

– Заходите как-нибудь вечером, – предложил я. – Отблагодарю вас бесплатным ужином. У нас барбекю каждый вторник. – Бритт-Мари уже спускалась по лестнице к гавани, когда я снова ее окликнул: – А сами-то вы помните тот автомобиль возле отеля? – (Она отрицательно покачала головой.) – Что, совсем ничего не помните?

– Нет, а с какой стати? – удивилась она.

– Да так, странно...

– Помню, жарко было. Я поздоровалась с репортером, и он сразу уехал. А потом я несколько раз щелкнула Бьёркенстама, вот и все... Это заняло не больше минуты.

– И когда вы закончили, Бьёркенстам оставался в гавани? – поинтересовался я.

На некоторое время она задумалась, а потом тряхнула темными волосами:

– Не знаю. Он все ходил туда-сюда по парковке, но потом...

– Пошел к машине? – подсказал я.

Она снова покачала головой:

– Нет, не помню.

– Дайте мне знать, если вспомните, хорошо? Пришлите эсэмэску.

Она помахала мне, выезжая на трассу. Девушка на пассажирском сиденье даже не взглянула в мою сторону.

Я убрал со стола, загрузил тарелки и чашки в посудомоечную машину и спустился во двор.

До сих пор в Мёлле я бывал разве проездом. За последние годы городок, безусловно, изменился, я бы сказал, опошвился, однако в высших слоях общества по-прежнему находились чудаки, предпочитающие проводить отпуск здесь. И летом население Мёлле утраивалось, не в последнюю очередь благодаря им.

Вообще, Мёлле считался чем-то вроде сконского Вавилона – вместилища пороков, где предаются разврату богачи. Возможно, причиной тому было существование здесь в прежние времена общих для мужчин и женщин пляжей. Обо всем этом я имел весьма слабое представление по выцветшим черно-белым снимкам, с господами в соломенных шляпах и дамами в закрытых купальных костюмах и с полосатыми зонтиками. Здесь отдыхало высшее дворянство и королевская семья. Одна хоккейная звезда устроила как-то впечатляющее свадебное торжество, а потом как будто даже купила дом.

На этот раз первым, что бросилось мне в глаза, оказалась кемпинговая площадка, с людьми в тренировочных костюмах, машинами, велосипедами, палатками, столиками с лото и целым лесом параболических антенн. На подъезде к самому городку, где слева открывался вид на залив Зунд, стояла часовня, а еще дальше влево – железнодорожная станция. Я миновал гончарную мастерскую, пекарню, где выпекают кислый хлеб специально для стокгольмцев, и наконец выкатил к морю.

Развернувшись на парковке в гавани, я въехал на холм, обогнул квартал и остановился возле отеля «Кюллаберг». Теперь мой автомобиль стоял на том самом месте, где и белый внедорожник на снимке Бритт-Мари.

Пирс в гавани Мёлле длинный, и вид с него открывается действительно впечатляющий. Слева Зунд, переходящий в Каттегат, прямо вдаль угадываются очертания Кюллаберга, а справа характерные для Мёлле белые дома взбираются вдоль крутого холма прямо к «Гранд-Отелю», с веранды которого весь городок виден как на ладони. При этом сам отель, таким образом как бы венчающий Мёлле, похож на средневековый замок.

Я никогда не бывал в местных кафе. По пятницам и субботам здесь предлагали креветок под изысканную живую музыку. То, что называлось «Thai Take Away»^[11], имело вид старомодного сосисочного киоска. Неподалеку я увидел несколько столиков под разноцветным зонтиком, так что перекусывать в машине не было необходимости. Дальше, рядом с сувенирной лавкой, была еще одна закусочная, где не усматривалось ни одного свободного места, а из-под брезентового козырька доносился запах жареной рыбы.

Я вернулся к отелю «Кюллаберг», где как раз выставили доску с начертанными мелом предложениями дня. И тут мне пришло в голову: толстяк на снимках Бритт-Мари смотрел вовсе не в землю – он изучал меню.

Я вошел в отель. Служитель убирал в холодильник бутылки пива, молодая женщина с собранными в хвост светлыми волосами в паре с темноволосой коллегой постарше накрывала столы. Я осторожно приблизился и спросил, не замечали ли они здесь поблизости белый внедорожник с русским номером.

Все трое ответили отрицательно.

На мое счастье, никто из них не поинтересовался, зачем мне это нужно, потому что я не успел придумать подходящую случаю ложь.

Улица, на которой стоял отель, называлась Аллея Юлленшерны. Чуть выше, метрах в двадцати пяти, припарковался трейлер. На тротуаре, за кемпинговым столиком под брезентовым зонтиком, обедали мужчина и женщина – фрикадельки, отварной картофель и два больших бокала «Гюльд». Она в бикини, он в плавках. По его толстому животу ручьями стекал пот.

– Все-таки здесь замечательно! – воскликнул я, придав лицу соответствующее выражение.

– Здорово! – согласилась дама.

– Я люблю Мёлле, – поддакнул ее спутник.

Говор выдавал в них выходцев не то из Вермланда, не то из Даларны. Я эти диалекты не различаю.

– Собирался встретиться здесь с друзьями, – продолжил я, – но мы разминулись. Вы не видели где-нибудь поблизости большой белый автомобиль с темными стеклами?

– Джип? – переспросил мужчина.

– Точно.

– Русский?

– Да.

– И откуда у них только деньги на такое, – удивилась его спутница. – Россия ведь такая нищая страна...

Женщина сделала хороший глоток пива. Похоже, она успела выпить не один бокал, потому что слово «Россия» произнесла очень невнятно.

– Так вы его видели? – не удержался я.

Мужчина вытер пот под обвисшей грудью и выбросил бумажное полотенце в сточную канаву.

– Был такой, и вчера и сегодня.

– Где? Здесь?

– Да, вчера я видел, как они приехали, а сегодня рано утром – как уезжали. Вот туда... – Мужчина показал в сторону пересекающего Аллею Юлленшерны переулка.

Я подумал было прогуляться пешком, но потом все-таки сел в машину.

Проехав пару раз в одну и в другую сторону, я стал петлять по окрестным улочкам и закоулкам, пока наконец не оказался в тупике, перед открытыми решетчатыми воротами. В глубине двора стоял трехэтажный дом, с патио, балкончиками и орнаментом на стенах – не то новодел, не то подновленный старый особняк. На террасе стояла женщина в больших солнечных очках и с наброшенной на плечи легкой шалью. Мне показалось, что под шалью был купальник. Увидев меня, незнакомка всплеснула руками, словно удивляясь тому, как меня угораздило сюда заехать. Я виновато пожал плечами, развернулся, въехав во двор, и снова взял курс в направлении аллеи.

Белого джипа нигде не было.

Уже на выезде из города меня осенило, что Мёлле можно покинуть по одной-единственной дороге. На обочине я увидел строение, напоминавшее автозаправочную станцию в старых американских фильмах. «Standard Motor Oil» – гласила вывеска над дверью. Именно это место показалось мне идеальным пунктом для наблюдения за трассой. Я припарковался и стал высматривать белый джип.

Прошло полчаса. За это время я успел прослушать множество глупых викторин и других развлекательных программ местного радио, от которых у меня разбухла голова. Мимо

проносились автобусы, трейлеры, автофургоны, легковушки – поразительно много с открытым верхом. Были и мотоциклы, и джипы – всех цветов и оттенков, кроме белого. Одна молодая женщина на обыкновенном дамском велосипеде словно вышла из фильма конца пятидесятых. Ее юбка так и развевалась вокруг почти коричневых от загара ног.

Чего я только не повидал за эти полчаса!

Все, что угодно, кроме белого внедорожника с русским номером.

Отчаявшись, я продолжил путь в направлении Сольвикена, когда мне вдруг пришло в голову: будь на моем месте Арне Йонссон, он бы так легко не сдался.

Пристыженный, я сделал разворот и снова поехал в Мёлле.

Выходя из машины, я чувствовал себя так, словно из морозильной камеры шагнул в жарко натопленную баню. Солнце палило, асфальт буквально плавился под ногами, и я был счастлив, что, по крайней мере, надел кепку. Внезапно я обнаружил себя на пороге закуской, где, если верить вывеске, продавали лучшие в округе вафли.

Вафель я не ел давно. Возможно, я успел позабыть их вкус и то, как они должны выглядеть. Так или иначе, предложенный мне продукт напоминал засахаренную резину, и я был сильно разочарован. Взбитые сливки тоже мне не понравились, хотя их я съел довольно много. Для себя я уже решил взять пример с Арне Йонссона и как бы невзначай поинтересовался у продавщицы насчет Бьёркенстама и белого джипа.

Но и здесь ей нечем было меня порадовать.

– Собственно, я из Мальмё, – объяснила девушка. – В Мёлле я только пеку вафли. Вам стоит поговорить с капитаном, его офис во-он там... – Она кивнула в сторону открытой двери неподалеку.

На домике капитана красовалась вывеска «Директор порта».

Выбросив оставшиеся вафли в мусорную корзину, я хотел было постучаться, но потом, поскольку дверь стояла нараспашку, решил, что хозяина на месте нет.

Он оказался почти одного роста со мной. Коротко стриженные светлые волосы, темно-синие шорты. Торчавший из бокового кармана карандаш и подтяжки на голом торсе делали его похожим на столяра-любителя.

– Я, наверное, некстати... – извиняющимся тоном начал я.

– Вовсе нет, я просто решил подышать свежим воздухом. Вчера был в Копенгагене на концерте... На обратном пути пришлось уступить руль другому, если вы меня правильно поняли. – Капитан коротко рассмеялся. Он и в самом деле выглядел усталым.

– Кто-то из знаменитостей?

– Кому пришлось уступить руль, вы имеете в виду?

– Нет, тот, кого вы слушали.

– Нейл Янг^[12].

– Один или с группой?

– «Crazy Horse».

– Ну и как вам? Хорош?

– Он всегда хорош.

Капитан сделал несколько шагов в направлении моря, и только тогда я заметил, что он бос.

– А я так долго не выдерживаю. – Я показал на его ноги. – У меня слишком чувствительная кожа.

– Привычка, – объяснил капитан. – Я часто хожу босиком, а вот в ваших сапогах уж

точно не выдержал бы.

– Привычка, – пожал плечами я.

– Вы, наверное, по поводу лодки? – предположил капитан.

– У меня нет лодки.

– Я имел в виду... взять напрокат, оплатить взнос...

– Нет. Просто я прочитал в газете, что сюда переехал Якоб Бьёркенстам. Я ищу его дом, продавщица вафель посоветовала обратиться к вам.

Мужчина остановился, потом резко обернулся и прищурился, глядя мне в глаза:

– А вы с ним знакомы?

Я отрицательно покачал головой:

– Только по газетам.

– Уж здесь и было разговоров о нем и его доме. Собственно, пропустить его вы не могли... Первый переулочек после отеля «Кюллаберг», именно там, откуда вы выехали.

– Да, там я уже был.

Если мы с капитаном имели в виду один и тот же дом, то я даже разворачивался у них во дворе. И с балкона на меня смотрела женщина.

– А что за корни у него в Мёлле? – спросил я.

– Этого я не знаю. У Бьёркенстама много денег, и часть их он собирается инвестировать в развитие коммуны. Поэтому ему здесь рады, и то, какие у него здесь корни, не имеет никакого значения. Я слышал, его родители любили отдыхать в Сольвикене летом. У них тоже водились денежки. Но они приезжали сюда из Стокгольма...

– Я тоже живу в Сольвикене.

– Может, тогда вы их знаете?

– Нет, – покачал головой я. – Вообще-то, я тоже из Стокгольма.

– Правда? – удивился капитан. – А говорите как местный.

– Родился в Мальмё. А что, Бьёркенстам показывается здесь на́ люди?

– На́ люди? – не понял капитан. – Что вы имеете в виду?

– Ну... гуляет в гавани. Вы его видели?

– Только один раз, когда он фотографировался для газеты.

– Как вас зовут?

– Дан Фрей, – представился капитан. – Но здесь все зовут меня Данне.

– Харри. – Я протянул ему руку. – Харри Свенссон. Одни называют меня Харри, другие Свенссон. Смотря кто...

– Любите Нейла Янга?

– Только кантри-репертуар. «На пляже» вещь просто фантастическая. Сольные композиции мне менее интересны.

– А мне у него нравится все, – признался капитан. – Нейл Янг – гений, куда лучше Дилана.

Я рассеянно кивнул, потому что и тот и другой заботили меня одинаково мало.

– Зато его жена часто здесь бывает, – заметил вдруг Дан Фрей.

– Чья? Бьёркенстама? – оживился я.

– Она гуляет здесь подолгу, – кивнул капитан, – или читает на пирсе. Обедает в ресторане во-он там... – Он кивнул в сторону столиков под брезентовым зонтиком.

– И когда ее здесь можно увидеть?

– Ну... сейчас, например, – ответил капитан.

– Сейчас?

Он показал в направлении «Гранд-Отеля»:

– Вон она идет. Выглядит просто роскошно.

На улице возле отеля действительно маячила женская фигурка. Большого я увидеть не смог. Оставалось удивляться зоркости Дана Фрея, который не только узнал женщину на таком расстоянии, но и рассмотрел, как она выглядит.

Только когда дама приблизилась, я узнал в ней ту, что стояла на балконе дома с решетчатыми воротами. Так я понял, где живет Бьёркенстам.

Она была в той же легкой шали, больших солнечных очках, летних брюках по щиколотку и блузе, где среди цветочного узора виднелось что-то похожее на попугая. Дама цокала по набережной босоножками на высоком каблуке, с большой берестяной сумкой через плечо.

– Понимаю, что вы имеете в виду, – кивнул я в ответ на замечание Данне.

– Собственно, кому как... – пожал он плечами.

Оба мы не спускали с нее глаз.

– А у Бьёркенстамов есть лодка? – спросил я.

– Нет.

– Странно, вам не кажется?

– А у вас есть лодка в Сольвикене? – (Я покачал головой.) – Ну вот видите.

– Судя по флагам, здесь очень много датчан. – Я посмотрел поверх лодок в сторону моря.

– Летом здесь одни датчане, – кивнул Дан Фрей. – Я хотел сказать, процентов восемьдесят судов из Дании.

Я оглянулся на фру Бьёркенстам... как бишь там ее по имени? Агнета? Да, именно так. Агнета Бьёркенстам подошла к лоткам с сувенирами. Что-то сильно выделяло ее из толпы туристов с кемпинговой площадки – не то одежда, не то манера двигаться. Одни ее брюки стоили не меньше небольшого катера под датским флагом. Трудно было поверить, что такая женщина всерьез интересуется деревянными ложками, на которых вырезано «Мёлле». В самом деле, проследовав мимо лотков, Агнета направилась к летнему кафе и устроилась за столом под брезентовым зонтиком.

– Возьму-ка и я себе кусочек рыбки, – сказал я Дану Фрею.

– Возьмите тост с камбалой, – посоветовал он.

В общем, я остался собой доволен. В умении разговорить нужного собеседника я, пожалуй, превзошел самого Арне Йонссона. Или все дело было в общительности Дана Фрея? Капитан сразу мне понравился, несмотря на его любовь к Нейлу Янгу.

Крохотный ресторанчик так и кишел народом, тем не менее место рядом с Агнетой Бьёркенстам оказалось свободным.

– Простите, можно тут присесть? – спросил я. – Или вы кого-то ждете?

Фру Бьёркенстам подняла на меня глаза и быстро огляделась по сторонам. Потом взяла стоящую на соседнем стуле сумку и опустила ее на землю:

– Садитесь.

Говор был совсем не сконский, голос приятный, мягкий. А на блузе среди цветов действительно красовался огромный попугай.

Официант – совсем молодой мальчишка – поставил перед ней бокал белого вина.

Агнета достала книгу и погрузилась в чтение.

Я думал, теперь мальчишка примет заказ у меня, но он направился к другому столику,

только что занятому шумной компанией.

– Пожалуй, здесь не скоро чего-нибудь дождешься, – заметил я.

Агнета подняла глаза, пожала плечами и снова вернулась к чтению.

Я заметил на ее губах легкую улыбку. Тут снова появился официант с лососевым салатом для Агнеты.

– Простите, я хотел сделать заказ, – обратился я к нему.

Мальчик посмотрел на меня с нескрываемым удивлением:

– Вот как! А я думал, вы вместе.

Агнета хихикнула.

– Трудно понять логику местных официантов, – заметил я, когда мальчик ушел. – Значит, если мы вместе, меня можно не обслуживать, а если порознь – тогда другое дело.

– Это точно, – поддакнула она, принимаясь за свой салат.

Я с удовольствием наблюдал, как она ест. Агнета разрезала лосося на маленькие квадратные кусочки и поддевала их на вилку, держа ее между большим и указательным пальцем. Потом закусывала кусочками огурца и помидора с паприкой и все тщательно пережевывала.

Наконец, после долгих напоминаний и пререканий, я получил свой тост с камбалой и бутылку воды. Что теперь мне было делать? Спросить, нравится ли ей книга? Или поинтересоваться, живет ли она в Мёлле и чем вообще здесь занимается?

– Что читаете? – спросил я наконец.

А ведь я сам терпеть не могу, когда меня отвлекают от чтения.

Агнета показала мне обложку. «Исчезнувшая» Гиллиан Флинн.

– По ней сняли фильм, вы его видели? – спросил я, и она покачала головой. – Я тоже не видел. Фильмы по прочитанным книгам всегда меня разочаровывают.

А ведь я мог бы рассказать ей куда более интересные вещи!

Например, о девочке, которая перепугалась насмерть, увидев в газете фотографию ее супруга. И о двоих мужчинах в джипе с русским номером, которые преследовали эту девочку.

Но об этом я умолчал.

Мне было на руку не выдавать свою осведомленность. Только так я мог вытянуть из нее то, что известно ей. Если ей вообще что-то известно.

– Вы живете в Мёлле? – поинтересовался я.

Агнета посмотрела мне в глаза, склонив голову набок:

– Только летом. Собственно, это мое первое лето в Мёлле.

– И всегда обедаете здесь?

Она кивнула:

– Здесь так уютно сидеть и наблюдать за людьми. Радуюсь, если принесут что-нибудь. И не жду обслуживания по высшему разряду.

Я уже заметил, что молодой официант перепутал заказы с разных столиков.

– Вы здесь живете? – спросила она.

– Да, неподалеку отсюда. Харри Свенссон, – представился я, протягивая ей руку. – У меня ресторан в Сольвикене, а в Мёлле я впервые за долгое время.

– Агнета. – Ее рукопожатие оказалось одновременно мягким и крепким. – Надеюсь, в вашем ресторане обслуживают лучше?

– Да, если только это делаю не я.

Она рассмеялась и попросила у пробежавшего мимо мальчика счет.

– Вообще-то, я просила красное вино, а мне принесли белого, – заметила она, когда он ушел. – Бедняжка, вероятно, страдает дальтонизмом.

Тут мы рассмеялись оба.

Агнета заплатила наличными и добавила мальчику пятьдесят крон на чай, несмотря на его рассеянность. На ее ногтях лежал полупрозрачный красный лак.

Потом встала со стула и попрощалась.

– Увидимся, – улыбнулся я.

– Не исключено.

Я проводил ее взглядом.

Я обязательно купил бы точно такие же брюки, если бы было кому. Если бы я знал, где продают такие и если бы имел на это средства.

Агнета Бьёркенстам не стала подниматься в гору к отелю «Кюллаберг», а забрала вправо, к старой пожарной станции, и пошла по набережной. Вероятно, к дому Бьёркенстамов можно было выйти и с этой стороны. Расплачиваясь, я понял, что мне принесли счет компании из пяти человек с соседнего столика, которая к тому времени, конечно же, благополучно успела смыться.

Больше мне в Мёлле делать было нечего. Я выяснил, где живет Якоб Бьёркенстам, и теперь даже опасался лишний раз показаться возле его дома, чтобы не навлечь на себя подозрения. Лучше ему было не знать о том, что я побывал в Мёлле.

* * *

Собственно, что в нем было такого?

Она сама себе удивлялась.

То есть со временем она, конечно, все поняла. И не раз обо всем пожалела. Еще до того, как все произошло, или уже после – этого она не помнила. Трудно бывает отследить собственные мысли.

Тогда они с Петрой и Марией отправились в новый ресторан, о котором так много писали и говорили. Он назывался «Стюрекумпаниет» и располагался на Стюреплан^[13]. Следуя совету Марии, все три явились туда без лифчиков. Вероятно, только поэтому их и пустили. Уже у входа Мария посоветовала ей расстегнуть еще одну пуговицу на блузке.

Ей было неуютно и сразу захотелось уйти. Заведение оказалось совсем не в ее вкусе.

Его она заметила не сразу. Это Петра обратила на него ее внимание. Сама она в тот момент придумывала предлог, чтобы смыться.

– Во-он тот, видишь? – крикнула Петра ей в ухо. – Глаз с тебя не спускает!

Музыка гремела вовсю, поэтому ей потребовалось время, чтобы осознать сказанное. И все-таки она не понимала, о ком речь, пока официант не поставил перед ней бокал с чем-то красным.

– «Абсолют» с клюквенным соком от того молодого человека. – Он показал в направлении дальнего столика.

Действительно, там сидел парень в белой рубаше. Стильный и очень привлекательный. Встретив ее взгляд, он помахал рукой и широко улыбнулся.

Ей нравился его запах, его уверенность в себе и то, что он обхватил руками ее талию сразу, как только они познакомились.

Его родители жили несколькими кварталами выше, возле кинотеатра, который назывался «Парк». Молодой человек сразу пригласил ее в гости.

Никогда еще ей не приходилось бывать в такой большой квартире.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Блюзовый боров (англ.) – *Здесь и далее примеч. перев.*

Джон Мейолл – британский музыкант, патриарх британского блюз-рока.

«*Люди и разбойники города Кардамона*» – сказочная повесть норвежского писателя Эгнара Турбьерна.

Spotify – сервис, предлагающий легальное прослушивание музыки. Был запущен в Швеции в 2008 г.

«Сюстембулагет» – сеть алкогольных супермаркетов в Швеции.

Роллатор – опора-ходунок для облегчения самостоятельного пешего передвижения, трех- или четырехколесная тележка с ручками, может быть оснащена багажной корзинкой, сиденьем и так далее.

«*Статойл*» – крупнейшая нефтегазовая компания Норвегии.

Rus (*шв.*) – опьянение, подпитие.

Нильс Поппе (1908–2000) – шведский киноактер. *Солдат Бом* – герой одноименной комедии 1948 г. шведского режиссера Ларса Чельгрена.

Мидсоммар – праздник летнего солнцестояния в Швеции.

«Тайская еда навынос» (*англ.*).

Нейл Янг – канадский рок-певец и гитарист.

Стюрепλαν – площадь в центре Стокгольма, где сосредоточены фешенебельные ночные клубы, бары, рестораны и так далее.